

№ 1 (229). ЯНВАРЬ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ.
СОВРЕМЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:

Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:

С. В. Васильева

Редакторы:

О. В. Авдеева
Е. Ю. Паньковская
Е. А. Берг

Редактор-корректор:

Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2009

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 08.12.2009

Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 x 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 2 Александр Александрович Кузнецов
Муравьевы
*О представителях известнейшей
в российской истории фамилии
(вторая половина XVIII — конец XIX века)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ 16 Вячеслав Николаевич Рожков
ЭКСПУРС
**По Акишевской дороге,
на речке на Самынке...**
*Из истории города Одинцово
Московской области и ближайших
к нему поселений*

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ 28 Виктория Николаевна Торопова
Портрет «Лиза Таль»
*Об одном портрете работы
М. В. Нестерова и о той,
что позировала художнику*

АРХИВ 38 Елена Викторовна Харитонова
«Звездный театр» столицы.
**Из собрания Центрального архива
электронных и аудиовизуальных
документов Москвы**
К 80-летию Московского планетария

БЫЛОЕ 48 Андрей Феликсович Сафонкин,
Елизавета Андреевна Сафонкина
За каменными печатями
*О чем могут рассказать клейма
на старинных кирпичах*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 52 Ирина Валентиновна Самсонова
**Несколько почтовых открыток
времен Первой мировой войны**
Рассматривая старый семейный альбом

ПОЮЩАЯ РОССИЯ 55 Надир Анварович Ширинский
«Гори, сияй, моя звезда!»
*О видном русском оперном певце
Н. К. Печковском (1896—1966)*

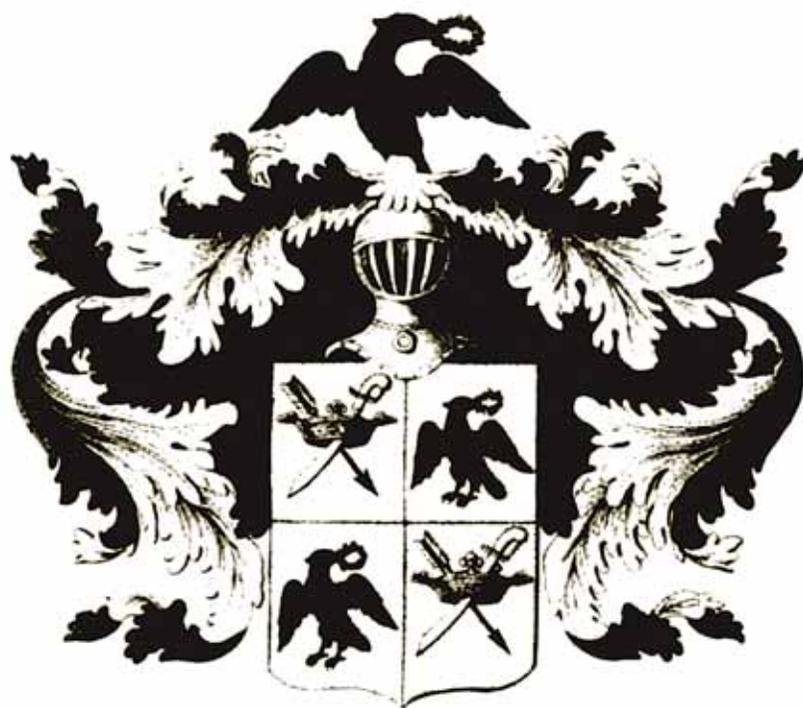
ПО РОССИИ 71 Михаил Николаевич Макаров
**Журнал пешеходцев от Москвы
до Ростова и обратно в Москву**
*Записки путешественника,
прошедшего этой дорогой в 1820-х годах*

КАРАНДАШОМ, 93 Иван Иванович Магер
РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ
Вечно новое открытие Прекрасного
*О московском художнике
П. Н. Осинине*

Александр Александрович Кузнецов

Муравьевы

О представителях известнейшей в российской истории фамилии
(вторая половина XVIII — конец XIX века)

Герб рода Муравьевых

Родоначальником всех Муравьевых считается Василий Олуповский (Алаповский). В 1488 году его сыновья Иван Муравей и Есип Пуща, получившие поместья в Новгороде, дали два рода: от Ивана Муравья пошли Муравьевы, от Есипа Пущи — Пушины. «Тое-же зимы (то есть зимой 1488 года. — *А. К.*), — говорит летопись, — князь великий Иван Васильевич переведе из Новгорода из Великого многих бояр и жить их людей, гостей, всех голов более тысячи, и жаловал их на Москве, давал поместья, и во Владимире, и в Муро-

ме, и в Новгороде Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме; а в Новгород Великий на их поместья послал Московских лучших гостей и детей боярских <...> и жаловал их в Новгороде Великом».

Через несколько поколений род Муравьевых разделился. От Пимена Федоровича взяла начало ветвь, давшая впоследствии России выдающегося государственного деятеля — графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского (1809–1881). В четвертом поколении от Федора Максимовича пошла третья

ветвь — Муравьевых-Апостолов. О декабристах Муравьевых-Апостолах в годы советской власти написано несоразмерно много — явно в ущерб другим ветвям рода, который в десятом поколении от Василия Олуповского приводит к Николаю Николаевичу Муравьеву-старшему (1768–1840) — отцу пятерых братьев Муравьевых-«Николаевичей». Все пятеро жили в Москве. Эта семья и станет предметом нашего рассмотрения (попутно заметим, что существуют и другие дворянские фамилии Муравьевых — например, происшедшие от Игната Муравьева, которому императрица Елизавета в 1741 году пожаловала потомственное дворянство).

Будучи потомком «Николаевичей», я уже давно собираю информацию о них в различных источниках. Кроме того, в нашем семейном архиве хранятся несколько писем, фотографий и акварельных портретов Муравьевых, относящихся к 1850–1880 годам. Публикуемое ниже, конечно же, не является в достаточной мере обстоятельным историко-биографическим исследованием — тут потребовался бы не один объемистый том. Это, скорее, «пунктирный» рассказ-напоминание, позволяющий, на мой взгляд, яснее представить масштаб государственной, военной, общественной деятельности Муравьевых-«Николаевичей». И еще это — дань памяти моим предкам...

Помещаемые в начале каждой главы биографические сведения приводятся по изданию: «Муравьевы. 1488–1996. Краткая роспись Муравьевых, Муравьевых-Апостолов-Коробьиных, графов Муравьевых-Амурских и графов Муравьевых-Виленских от его основания Иваном Муравьем Олуповским и до наших дней. С приложением росписей и сведений о других родах дворян Муравьевых и полными указателями имен, прозваний и фамилий» (Париж—Москва, 1997). Список других источников (разумеется, далеко не исчерпывающий) приводится в конце. Итак...

Николай Николаевич Муравьев-старший

«Николай Николаевич (1768–1840) — генерал-майор; военный педагог, основатель Училища колонновожатых; исследователь в области сельскохозяйственных наук. [Жена]: Александра Михайловна Мордвинова (1769–1809)».

Н. Н. Муравьев-старший родился в семье генерала Николая Ерофеевича Муравьева — Рижского губернатора, генерал-поручика и сенатора, автора книги «Начальные основа-

*Н. И. Аргунов. Портрет
Николая Николаевича Муравьева.
Холст, масло. 1817 год*

ния математики» (1752). Отец умер довольно рано; воспитанием и образованием Николая занимался отчим — генерал-майор князь Александр Васильевич Урусов. Интерес к математике Николай Ерофеевич, как увидим, передал своему сыну и внукам.

Николай Николаевич окончил Страсбургский университет, поступив туда в 16 лет. Вернувшись в 1788 году в Россию, служил на флоте, участвовал в сражениях. В 1811 году он вместе с сыном Михаилом Николаевичем организовал при Московском университете Математическое общество, призванное «непреложным правилом всемерно стараться о распространении познания математических наук и устремившее все труды к приготовлению молодых людей в военную службу». Николай Николаевич вошел в историю и как основатель офицерской школы — Московского учебного заведения для колонновожатых. Создана школа была в 1815 году после Отечественной войны, во время которой Николай Николаевич занимал должность начальника штаба ополчения 3-го округа.

Будучи не слишком богатым человеком, генерал Н. Н. Муравьев отдал училищу собственный дом и библиотеку, на свои деньги покупал инструменты и учебные пособия. Весной весь состав училища переселялся в родовое имение Муравьевых Долголядь

*Осташево.
Фотография
2006 года*

http://club.foto.ru/gallery/photos/photo.php?photo_id=682857

(оно же Осташево), что в Можайском уезде. Обучение генерал поставил серьезно, занятия шли с раннего утра, и спуска воспитанникам не давалось. В училище преподавали сыновья Николая Николаевича — Николай и Михаил. Штабс-капитан Михаил Николаевич Муравьев отличался едва ли не большей строгостью, чем отец, так что генералу порой приходилось заступаться перед ним за своих питомцев.

В 1823 году Н. Н. Муравьев ушел в отставку, и его учебное заведение перестало существовать, выпустив 138 офицеров, из коих 127 были приняты в Свиту Его Императорского Величества. В «Списке выпущенных по экзаменам офицеров из Московского учебного заведения колонновожатых в 1816–1823 годы» находим представителей самых известных в России фамилий. Впоследствии училище перевели в Петербург и в 1832 году преобразовали в Академию Генерального штаба.

Женился Н. Н. Муравьев-старший на Александре Михайловне Мордвиновой — женщине весьма образованной и религиозной. Кроме пятерых сыновей, о которых пойдет речь ниже, у них была еще дочь Софья, но она умерла девицей (1804–1826).

Завершая наш краткий рассказ о Н. Н. Муравьеве-старшем, скажем, что почти всех представителей этого рода хоронили на кладбище Новодевичьего монастыря, где у Муравьевых был семейный склеп с часовней. После революции от могил ничего не осталось, здесь лишь поставили небольшую вертикальную плиту Александру Николаевичу Муравьеву — декабристу.

Сыновей Н. Н. и А. М. Муравьевых звали Александр, Николай, Михаил, Андрей и Сергей.

Александр Николаевич Муравьев

«Александр Николаевич (1792–1863). [Первый брак]: княжна Прасковья Михайловна Шаховская (1788–1835). [Второй брак]: княжна Марфа Михайловна Шаховская (1799–1886), родная сестра предыдущей».

Окончив в 1810 году Московский университет, он вместе с братом Николаем входит в первое тайное общество «Чока» — совсем еще детское, организованное с целью «удалиться <...> на какой-нибудь остров, населенный дикарями, <...> образовать жителей острова и составить новую республику» на началах всеобщего равенства и справедливости.

В 1812 году началась Отечественная война. А. Н. Муравьев принимает участие в Бородинском сражении в качестве штабного офицера. Затем следуют контузия, болезнь, возвращение в армию (1813), заграничный поход. Осенью 1814 года возникает новое общество — «Священная артель», составившееся из гвардейских офицеров. Советским авторам книг об Александре Муравьеве хотелось считать «Священную артель» «важным этапом на пути развития революционного мировоззрения в среде передового офицерства», но, судя по письмам и дневникам «революционеров», они на своих собраниях лишь абстрактно клеймили «тиранию» и прославляли «свободу» по Тациту, Плутарху и Ювеналу.

В феврале 1816 года А. Н. Муравьев основал первое политическое тайное общество — «Союз спасения», куда вошли С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, М. Н. Новиков и П. И. Пестель. К этому времени Александр Муравьев

Ф. А. Тулов. Портрет Александра Николаевича Муравьева. Холст, масло. 1816–1818 годы

(как и Пестель) занимал высокое положение в масонской ложе «Избранный Михаил». В 1818 году он возводится в члены капитула ложи «Феникс». «Союз спасения» создавался в недрах масонской ложи «Трех добродетелей». Его устав до нас не дошел — в 1818 году он был сожжен при преобразовании общества в новое — «Союз благоденствия». Дальнейшее известно... Нас же здесь интересует следующее: в том же 1818 году Александр Николаевич получил отставку, женился, поселился в деревне, вышел из «Союза благоденствия» и обратился к бывшим соратникам с призывом последовать его примеру, что вызвало в среде декабристов взрыв негодования.

Первая жена Александра Николаевича — Прасковья Михайловна, урожденная княжна Шаховская, — была умной женщиной с сильным характером. Муравьев боготворил ее, но жизнь семьи складывалась трагически. Из пятерых детей четверо умерли в раннем возрасте. В 1835 году Александр Николаевич лишился и супруги. Через несколько лет он женился на ее сестре Марфе Михайловне Шаховской, принесшей ему в качестве приданого имение Скорняково на Дону.

После подавления декабрьского бунта 1825 года Александра Николаевича 5 января 1826 года арестовали и поместили в Петропавловскую крепость. На допросах он чистосердечно раскаялся. Его приговорили к шести годам каторжных работ, но Николай I смягчил наказание, заменив каторгу ссылкой в Сибирь без лишения чинов и дворянства.

Сначала Якутск, потом Верхнеудинск, а в 1828 году Муравьев назначен уже го-

родничим в Иркутск. И последующие почти четверть века Александр Николаевич добросовестно служил и исполнял целый ряд порученных ему должностей. С 1832 по 1834 год он — председатель Тобольского губернского правления, затем председатель Вятской уголовной палаты, до 1837 года — на такой же должности в Симферополе, а в ноябре становится губернатором Архангельска. Здесь, впрочем, он долго не задержался — уволили в результате неравной борьбы с чиновничьим произволом, взяточничеством и воровством.

После увольнения Муравьев поселяется в принадлежавшем ему имении Ботово под Волоколамском и пытается поправить свое материальное положение хозяйствованием. От отца он унаследовал и Осташево, настолько обремененное долгами, что пришлось хлопотать о возвращении на военную службу.

Вернувшись в армию, Александр Николаевич стал свидетелем последнего этапа Крымской обороны. В 1855 году его произвели в генерал-майоры. К этому времени он почти ослеп, но после операции катаракты 64-летнего генерала в 1856 году назначили губернатором Нижнего Новгорода. Старый и больной человек продолжал удивлять окружающих своей неутомимой деятельностью.

Последние годы жизни Александр Николаевич посвятил разработке проекта отмены в России крепостного права. Сражаясь с помещиками и чиновниками, он отстаивал несколько утопические идеалы своей далекой молодости и был очень разочарован манифестом 19 февраля 1861 года.

В числе других сочинений А. Н. Муравьев оставил после себя интереснейшие «Записки». Опубликованные только в 1955 году, они представляют собой ценный источник о деятелях и событиях 1810–1812 годов. В них автор поведал о том, что «знал, видел, чувствовал и слышал, что сделалось известно из рассказов основательных людей». Кстати, в четвертом томе биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999) мы найдем всех Муравьевых-«Николаевичей», за исключением Сергея, и даже Николая Николаевича-старшего, который кроме специальных военных и математических, публиковал работы по национальной трудовой психологии, сравнительному анализу русского и иностранного хозяйствования.

А. И. Герцен писал об Александре Николаевиче Муравьеве, что тот «до конца своей длинной жизни сохранял безукоризненную чистоту и благородство».

Николай Николаевич Муравьев-Карский

«Николай Николаевич «Карский» (1794–1866). [Первый брак]: София Федоровна Ахвердова (1810–1830). [Второй брак]: графиня Наталия Григорьевна Чернышева (1806–1884)».

Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, наместник на Кавказе.

Николай Николаевич, в отличие от своего старшего брата Александра, не играл в масонские игры. Как-то он сказал Александру: «Все это пустое ребячество, ничего больше». Брат очень обиделся. Николай с юных лет вел дневник; на первых его страницах записано: «Воспитывался и учился в родительском доме. В феврале месяце 1811 года отец привез меня в Петербург для определения на военную службу. Я не имел опытности в общении с людьми, обладал порядочными сведениями в математике, не имел понятия о службе и желал вступить в нее».

В Отечественную войну 1812 года Николай служил при штабах, в основном по квартирмейстерской части. Состоя при Главной квартире, был участником Бородинского сражения. Участвовал и в других боях — при Тарутине, Березине, под Кульмом, а также в «битве народов» под Лейпцигом. После Парижа Николай Николаевич попадает служить на Кавказ к А. П. Ермолову. Быстро овладевает восточными языками и предпринимает ряд рискованных разведок в Персии и Турции, высоко оцененных Ермоловым. Алексей Петрович поручает штабс-капитану Муравьеву пробраться через Каспийское море в Хивинское ханство с военно-дипломатической миссией. О своих невероятных приключениях в Хиве Николай Николаевич поведал в книге «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров» (М., 1822).

Николай Николаевич Муравьев прошел практически все войны своего времени — Отечественную 1812 года, русско-персидскую (1826–1828), русско-турецкую (1828–1829), Крымскую (1853–1856) и принимал участие в подавлении польского восстания (1830–1831). Не участвовал только в усмирении Венгрии и Трансильвании (1849) — в этом, по его словам, «постыдном вмешательстве в чужие дела», был только направлен в Венгрию для переговоров. Главными же победами Н. Н. Муравьева-полководца, давшими приставку к его имени — «Карский», стали взятия турецкой крепости Карс в 1828 и в 1855 годах.

Николай Николаевич Муравьев-Карский.

Гравюра Л. А. Серякова. 1876 год

(из книги: С. С. Татищев «Император Александр II. Его жизнь и царствование».

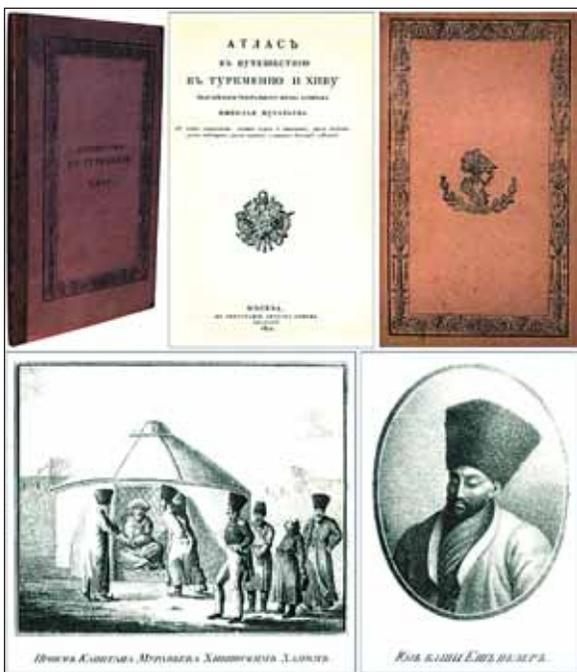
Издание второе с 53 портретами и иллюстрациями. Санкт-Петербург, издание А.С. Суворина, 1911)

После Хивы, где в полной мере проявился дипломатический талант Муравьева, Николаю Николаевичу довелось блеснуть им еще раз. В конце 1831 года взбунтовался вассал Турции — правитель Египта Мухаммед-Али, захватил Сирию, запер турецкую эскадру в заливе Мармарице и двинулся на Константинополь. Черноморские проливы должны были перейти под контроль покровительствующих ему Англии и Франции. Николай I отрядил в Босфор флот под командованием адмирала М. П. Лазарева, но разрешение конфликта требовало прежде всего дипломатических усилий. И тогда император, лично переговорив с Н. Н. Муравьевым, посылает его в Египет. Муравьеву удается умиротворить египетского правителя, после чего 26 июня 1833 года был заключен Ункяр-Искелесийский договор между Россией и Турцией об оборонительном союзе. В великосветских салонах и при дворе дипломатический маневр Муравьева вызвал восхищение. Царь ласково его принял, обнял, расхвалил и пожаловал в генерал-адъютанты.

Немало сделал для России Н. Н. Муравьев, став наместником Кавказа (1854). Он сменил на этом посту графа М. С. Воронцова. Нрав Николай Николаевич имел крутой,

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Януарий Суходольский. Штурм крепости Карс 23 июня 1828 года.
Холст, масло. 1839 год*

*Иллюстрации из книги
«Путешествие в Туркмению и Хиву
в 1819 и 1820 годах
гвардейского Генерального штаба
капитана Николая Муравьева,
посланного в сии страны для переговоров».
М., 1822*

характер независимый и самолюбивый. Прибыв на Кавказ в качестве наместника и главнокомандующего уже полным генералом, он крепкой рукой начал наводить порядок в войсках, увольнять нерадивых офицеров и бездельничающих чиновников. Собрав их, прямо заявил: «Я не Воронцов, любезностей говорить не собираюсь, я службу с вас потребую». По его плану начались мирные сношения с Шамилем. С помощью сына имама, офицера русской армии Джемал-Эддина, Муравьев старался убедить Шамиля в преимуществах русского протектората. Он разработал широкую программу мирной жизни русских и горцев на Кавказе. Шамиль военные действия прекратил и не оказал военной помощи Омер-паше, готовящемуся захватить Мингрелию. Затем последовала война с Турцией и второе взятие Карса (1855). Однако вскоре интриги недоброжелателей и пошатнувшееся здоровье вынудили Муравьева подать в отставку (1856). Он так и написал жене: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Николай Николаевич был знаком с приезжавшим на Кавказ А. С. Пушкиным, а также с А. С. Грибоедовым, вместе с которым часто посещал дом Ахвердовых в Тифлисе.

Флигель этого дома занимала семья князя А. Г. Чавчавадзе. Гостей привлекали устраивавшиеся здесь музыкальные вечера, а также девушки — Сонюшка Ахвердова и Нина Чавчавадзе. Причем Грибоедову сначала больше нравилась Соня, а женился он на Нине, Муравьеву же — Нина, а женился он на Сонюшке. Н. Н. Муравьев и А. С. Грибоедов знали друга друга десять лет (1818–1828), но друзьями так и не стали. Более того, в дуэли между А. С. Грибоедовым и А. И. Якубовичем секундантом последнего выступал Н. Н. Муравьев.

Последние годы Николай Николаевич жил в Скорняково, где и скончался от воспаления легких. Листая 24-й том Полного собрания законов Российской империи, я прочитал:

«СПб. 1850. Января 21. <...> О оставлении по смерти генерал-лейтенантши Муравьевой имения ее в пожизненное владение супруга ее.

Снисходя на всеподданнейшее прошение жены генерал-лейтенанта Наталии Муравьевой, урожденной Графини Чернышевой, Всемилостивейше дозволяем оставить по смерти ее в пожизненном владении ее супруга генерал-лейтенанта Николая Муравьева доставшееся ей от родителя по разделу, утвержденному в июле 1837 года первым Департаментом Московской гражданской палаты, имение Воронежской губернии Задонского уезда в селах Архангельском, Ивановском, Скорняково тож, Тростянском и в прилегающих к ним выселках, по последней ревизии мужска пола 863 души».

Усадьба Скорняково была великолепна. Вот отзыв о ней одного из гостей: «Построенный им (Н. Н. Муравьевым. — А. К.) из тесаного камня новый двухэтажный дом стоял на взгорье, с и балкона открывался чудесный вид на не широкую в этих местах, но быструю и чистую речку с золотыми отмелями и на полевые просторы Придонья, а с другой стороны терраса, обвитая густым диким виноградом, выходила из дома прямо в сад, за которым начинался сосновый лес. Библиотека помещалась в особом каменном флигеле. Там Муравьев устроил и свой кабинет, где отовсюду со стен смотрели лица близких его сердцу людей, и среди них видное место занимали писанные масляной краской портреты Никиты Муравьева и А. С. Пушкина. А в углу, у стены, стояла самая драгоценная реликвия — старинное бюро красного дерева, некогда принадлежавшее сочинителю и поэту Михаилу Никитовичу Муравьеву, а затем его сыну Никите. <...> Никита скончался в сибирском изгнании. И мать его, Екатерина Федоров-

на, подарила бюро Николаю Николаевичу как лучшему и верному другу сына».

В Скорняково Николай Николаевич дополнил и закончил свои «Записки». Здесь же из-под его пера появились две большие книги — «Русские на Босфоре» и «Война за Кавказом». «Записки», опубликованные дочерью героя Карса А. Н. Соколовой в «Русском архиве» (1885–1894), охватывают события 1811–1865 годов и дают богатейший материал для изучения общественно-политической, социально-экономической, историко-этнографической и военной истории России того времени, представляя собой, по выражению самого Н. Н. Муравьева, «самое беспристрастное, спокойное изложение автора-очевидца».

Михаил Николаевич Муравьев-Виленский

«Михаил Николаевич «Виленский» (1796–1866). [Жена]: Пелагея Васильевна Шереметева (1802–1871)».

Граф (с 1865), сенатор, генерал от инфантерии, член Государственного совета, министр Государственных имуществ, генерал-губернатор Северо-Западного края, в который входили Виленская, Гродненская, Ковенская, Витебская, Минская и Могилевская губернии; почетный член Петербургской академии наук. До 1822 года — член тайных декабристских обществ «Союз спасения» и «Союз благоденствия». Помимо перечисленных чинов, званий и должностей, Михаил Николаевич за время своей полувековой службы занимался самыми разнообразными общественными

Герб Муравьевых (Виленских)

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Граф Михаил Николаевич Муравьев (Виленский).
Литография А. Э. Мюнстера
(из книги С. С. Татищев «Император Александр II.
Его жизнь и царствование».
Издание второе с 53 портретами и иллюстрациями.
Санкт-Петербург, издание А.С. Суворина, 1911)*

делами. Он учредил, например, Земледельческую академию в селе Петровском, где раньше его отцом была образована Земледельческая школа, а еще раньше Петром Великим — голландская ферма «Амстердам». Муравьев помогал профессору Московского университета К. Ф. Лурье в создании Комитета акклиматизации животных и растений с зоологическим и ботаническим садом в Измайлове и проведению там работ по пчеловодству и шелководству. Исполнял он также обязанности вице-президента Императорского Русского географического общества, внес большой вклад в развитие Константиновского межевого института, попечителем которого являлся с 1844 года.

Получив домашнее образование, Михаил Николаевич в 1809 году поступил на физико-математическое отделение Московского университета, но через два года оставил его и основал вместе с отцом Математическое общество (см. выше), после высочайшего утверждения устава которого президентом Общества избрали Николая Николаевича Муравьева-старшего.

С 1812 года М. Н. Муравьев — прапорщик Свиты Его Императорского величества по квартирмейстерской части. Во время Бородинского сражения, находясь на батарее Раевского, был ранен ядром в левую ногу и надолго выбыл из строя. После войны преподавал, как уже говорилось, в Московском

учебном заведении для колонновожатых. В 1823 году он выходит в отставку, женится и занимается хозяйством. Далее следует арест (1826), полное оправдание и начало многолетней государственной службы.

В годы советской власти его называли не иначе как «Муравьев-вешатель». Вот что написано в учебнике «История СССР» для 9-го класса средней школы (М., 1958): «Восстание в Литве и Белоруссии подавил Муравьев-вешатель беспощадными казнями и репрессиями. Прозвище «вешатель» навеки позорным клеймом легло на этого палача польского, литовского и белорусского народов». Однако «навек» в нашей истории редко что случается. Теперь мы можем посмотреть на дело иначе. Александр II положил конец зависимости польских крестьян от шляхты. Осуществив в 1861 году крестьянскую реформу в России, император проводит ее и в Царстве Польском. Причем даже на более выгодных для крестьян условиях, чем в остальных частях империи. В 1864 году он подписал указы, наделявшие польских крестьян землей. Первый указ гласил, что земли переходили в их полную собственность с выкупом через правительство и прекращением всяких отношений с прежними землевладельцами. Второй указ устанавливал сельское самоуправление — сельская «гмина» в Царстве Польском получила устройство, однородное с русской волостью. Наследственные войты-помещики заменялись войтами, избираемыми, как и все должностные лица сельского управления, крестьянами из своей среды. Кроме того, Александр II отменил в Польше телесные наказания и повелел преобразовать обучение и воспитание: впервые здесь были созданы начальные училища для крестьян и женские гимназии. Естественно, все это не устраивало шляхту. Начались инициированные ею беспорядки и жестокий террор. За 1853—1863 годы в Польше было убито свыше 5000 русских солдат и верных империи чиновников. И тогда за дело принялся губернатор Северо-Западного края Михаил Николаевич Муравьев. По-разному можно оценивать его деятельность в Царстве Польском в 1863—1864 годах, но давайте предоставим слово ему самому:

«Когда Государь Император призвал меня к себе и объявил о желании своем назначить меня начальником Западного края, <...> я был нездоров, но отечество [было] в опасности. Как русский я не мог щадить себя и изъявил Государю готовность исполнить его волю, уверенный, <...> что при Божией помощи я край усмирю. <...>

*М. Н. Муравьев-Виленский.
Анонимный польский рисунок.
XIX век
(1863?)*

<http://ru.wikipedia.org>

Край мне давно был известен, я управлял губерниями Минскою и Гродненскою, но я не узнал края. Русское начало было совершенно подавлено, русский язык изгнан, русская вера угнетена, древние святыни поруганы, церкви православные помещались в сараях. Помещики, в руках которых была земская власть, притесняли освобожденных крестьян, отнимая и обрезывая у них земли и приговаривали при этом: «Вот вам царская воля. А если будете с нами за Польшу, то мы дадим вам волю с лучшими землями». Ксендзы коварствовали заодно с поляками. Я начал с того, что заставил уважать власть правительства, и, чтобы прервать всякое влияние панов на народ, прекратил немедленно обязательные отношения крестьян к помещикам, объявил их окончательно свободными. Затем для уничтожения влияния ксендзов-изуверов выслал в Воронеж их епископа, одного ксендза-повстанца расстрелял, троих повесил, и все пошло как по маслу».

И действительно, к зиме 1864 года восстание заглохло. При этом необходимо помнить, что Царство Польское после Венского конгресса (1814—1815) входило в состав Российской империи в качестве неотъемлемой ее части. Стало быть, Михаил Николаевич Муравьев попросту боролся с польским сепаратизмом, что нельзя не признать правым делом.

Любопытен рассказ инженера и мемуариста барона А. И. Дельвига в его книге «Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820—1870» (М.—Л., 1930): «Я был в Вильне до приезда М. Н. Муравьева, ходил по городу без эполет, и ни один поляк, встречаясь на тротуарах, не проходил мимо, не плюнув в мою сторону. Приезжает М. Н. и назначает на другой день представление себе чиновников и дворян. Со-

бралось в зале человек 50; М. Н., с которым я вышел из кабинета, один подходит к толпе, за которую ручаться нельзя, и строго напоминает всем о сохранении присяги Государю при исполнении своих обязанностей, за нарушение которой виновные будут наказаны по всей строгости военного закона; все молчали, понимая его слова. На другой день после такого приема иду по Вильне в эполетах, которых надевать нельзя было, не подвергаясь оскорблению, и вовсе незнакомые мне поляки, встречаясь, снимали шляпы и кланялись».

Автор «Записок», опубликованных в «Русской старине» (1882. № 11—12; 1883. № 1—5; 1884. № 6), и ряда других сочинений, Михаил Николаевич Муравьев смело излагал в них свои взгляды в защиту целостности Российской империи, клеймил «колебания» в российском обществе по польскому вопросу, обвиняя в забвении национальных интересов русскую аристократию, министров, высших чиновников (в том числе неодобрительно отзываясь и о «перемене мыслей самого государя»).

Андрей Николаевич Муравьев

«Андрей Николаевич (1806—1874. Действительный статский советник. Камергер. Историк христианства, писатель. Неженатый».

Да, камергер, действительный статский советник. Жены и детей не имел. Служил не столь уж и долго — сначала в драгунах, с 1828 года — в Дипломатической канцелярии графа Дибича, потом непродолжительное время — в МИДе и в Святейшем Синоде. Почему же он имел такой высокий чин? Дело в том, что А. Н. Муравьев был весьма известным писателем, высоко ценимым Двором и самим

императором Николаем I, пожаловавшим ему звание камергера. Незадолго перед тем император прочитал его «Путешествие к Святым местам в 1830 году», и Андрей Николаевич «по духу своей книги» был определен секретарем обер-прокурорского стола Святейшего Синода (продолжая числиться по ведомству МИДа).

О популярности Андрея Муравьева как литератора можно судить хотя бы по тому, что говорилось о нем в «Русской старине» в 1873 году, еще при его жизни: «Благотворное влияние сочинений Муравьева на религиозное образование нашего общества, столь нуждающегося в хороших книгах для домашнего чтения, давно уже признано всеми, и едва ли найдется коренное русское семейство, не имеющее в своей библиотеке нескольких сочинений А. Н. Муравьева».

Начинал Андрей Николаевич с поэзии. Его стихотворные опыты еще до опубликования были замечены обществом, прежде всего «любомудрами» и салоном З. А. Волконской. Их одобрял А. С. Грибоедов, обсуждали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, А. И. Тургенев и П. А. Вяземский, который в 1826 году писал об авторе В. А. Жуковскому: «Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования». Когда первые стихи Муравьева («Воззвание к Днепру», «Русалки», «Бахчисарай», «В Персию», «Ермак») появились в печати, Пушкин отнесся к ним благосклонно. Однако вскоре, метя в салонную литературу кружка Зинаиды Волконской, он сочинил на Муравьева едкую эпиграмму. Следом появились эпиграммы Баратынского и других. Муравьев хотел вызвать Пушкина на дуэль, но, успокоенный М. П. Погодиным, лишь отозвался на пушкинский выпад не менее язвительным «Ответом Хлопушкину». Позднее между ними установились дружеские отношения. Но все же после столь жестокого удара Андрей Николаевич перестает публиковать стихи. У него появляется новое увлечение. Как мы помним, он отправляется в Константинополь и Александрию, далее в Иерусалим, и вскоре появляется его книга «Путешествие к Святым местам в 1830 году», ставшая любимым чтением во всех слоях русского общества. В дальнейшем Муравьев полностью посвятил себя изучению христианских древностей и российских памятников православия. Его сочинения переведены на многие европейские языки. У нас по известным причинам они долго не издавались, но вот в 1990 году вышла книга «Путешествие по святым местам русским» (репринт), положившая начало возрождению интереса к творчеству А. Н. Муравьева.

*Андрей Николаевич Муравьев.
Фотография второй половины XIX века*

После войны с Турцией вышеупомянутая поездка Андрея Николаевича получила отенок политической миссии, он стал как бы посланником мира, что высоко оценило русское общество. Пушкин писал: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева». В 1832 году Муравьев привез из Египта в дар Академии художеств статуи двух сфинксов — они и сейчас смотрят на Неву.

А. Н. Муравьев в конце жизни подытожил: «Я, можно сказать, создал церковную литературу нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые щекотливые предметы богословские и полемические». Назовем здесь наиболее известные книги А. Н. Муравьева: «Письма митрополита Филарета» (1832), «Путешествия по святым местам русским» (1836), «Положение символа веры православной Восточной католической церкви» (1838), «История Российской церкви» (1838, 2-е издание — 1840, 1845; англ. перевод — 1852, нем. — 1857), «Письма о спасении мира Сыном Божиим» (1839), «Первые четыре века христианства» (1840), «Священная история» (1842), «Письма с Востока» (1849–1850), «Подвиги Соловецкой обители» (1852), «Святые горы и Оптинская пустынь» (1852), «Раскол, обличаемый своей историей» (1854).

В 1842 году А. Н. Муравьев, как и митрополит Филарет (Дроздов), покинул Свя-

тейший Синод (рамки журнальной статьи не позволяют изложить здесь причины этого шага), а в 1866-м — и МИД. Но до конца своих дней он оставался одним из самых авторитетных деятелей Русской Православной Церкви. Более 20 лет Андрей Николаевич являлся поверенным Патриарших престолов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского в России, постоянно держал с ними связь, был ктитором двух афонских монастырей. Андрея Николаевича Муравьева и ныне канонизированной Русской Православной Церковью митрополита Филарета связывала высокая духовная дружба.

На склоне дней своих Андрей Николаевич, как и его братья Александр, Михаил и Николай, начал писать мемуары. В 1871 году он издал мемуарную книгу «Знакомство с русскими поэтами», дополненную после его смерти (1895) «Моими воспоминаниями». Здесь мы находим портреты многих выдающихся его современников — от И. И. Дмитриева до А. К. Толстого. Особенно интересны сведения об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, И. А. Крылове, Ф. И. Тютчеве.

В 1880-х годах учреждается «Общество памяти А. Н. Муравьева», занимавшееся изданием его сочинений. Во время Великой Отечественной войны архив и коллекции Андрея Николаевича, хранившиеся в Киевском Церковно-археологическом музее и в Центральной научной библиотеке Академии наук Украинской ССР, погибли.

Сергей Николаевич Муравьев

«Сергей Николаевич (1809—1874). Статский советник. [Жена]: София Ивановна Петрулева (1811—1897)».

Младший из братьев, Сергей Николаевич Муравьев, мой прапрадед, — фигура самая скромная в знаменитом семействе. Служил он в Министерстве государственных имуществ. Вспомним, что руководил этим министерством его брат Михаил Николаевич. Там же служил и муж дочери Сергея Николаевича — Ольги — Андрей Капитонович Кузнецов (мой прадед по мужской линии): родство тогда значило немало.

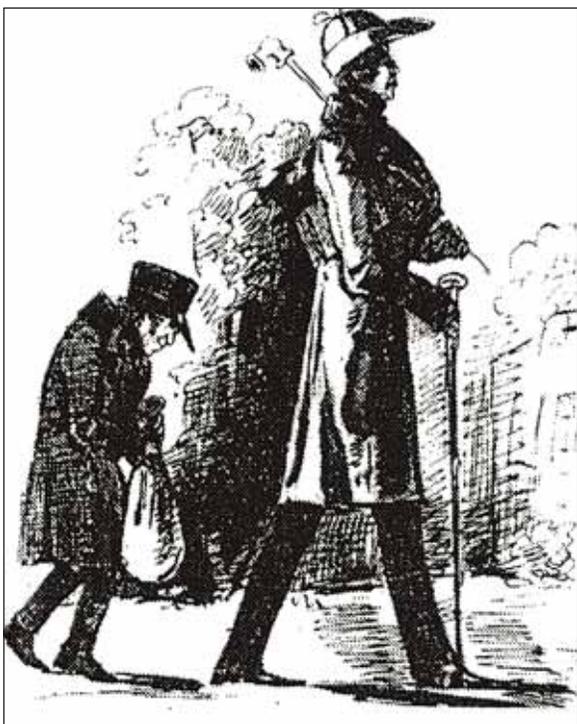
Образование Сергей получил сначала домашнее, потом его отдали в пансион Бибикова. Учился ли он в университете, мне неизвестно. В просмотренной мною литературе сведений о нем я почти не встречал. В нашем семейном архиве никаких относящихся к нему документов тоже не сохранилось. По всей вероятности, характер Сергей Николаевич имел фамильный — независимый и упрямый;

*Неизвестный художник.
Сергей Николаевич Муравьев. Бумага, акварель.
Вторая половина XIX века*

свойственное всем Муравьевым обостренное самолюбие на фоне успехов и громкой славы братьев сделали его нелюдимым и замкнутым. Между тем он считался «одним из образованнейших людей своего времени». Композитор М. И. Глинка в своих мемуарах упоминает о пристрастии Сергея Муравьева к философии, да и в семье его называли «философом». Он был организатором и главой литературного кружка, куда входили М. И. Глинка, художник Н. А. Степанов, его брат, генерал от инфантерии и писатель П. А. Степанов, поэт, писатель Н. В. Кукольник и другие талантливые люди. Об этом позже было рассказано в статье «Из семейных реликвий», опубликованной в 1913 году в журнале «Столица и усадьба» (иллюстрации прилагаются).

В переписке братьев к Сергею Николаевичу относятся только такие высказывания: «Батюшка стар, живет один, Сергей ему не помощник и не товарищ»; «Батюшка ко мне пишет очень и очень редко, Андрей довольно часто, а Сергей никогда. Я, однако, писал к нему, когда он служил в Петербурге, но не получил ответа»; «Обращаясь к Сергею,

Карикатура Н. А. Степанова, на которой изображен С. Н. Муравьев. Подчеркнут огромный рост в контрасте с его камердинером Иваном, а также склонность к философии — под мышкой он несет «Критику чистого разума» Э. Канта (Из журнала «Столица и усадьба». 1913 год)

Карикатура Н. А. Степанова на С. Н. Муравьева, опубликованная в 1913 году в журнале «Столица и усадьба». Под карикатурой подпись: «Вокруг Муравьева — сам Степанов, Мейстнер, Филимонов, Бернет и Горбунов»

М. Н. Воробьев. Набережная Невы у Академии художеств. Холст, масло. 1835 год

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Софья Ивановна Петрулева
(в замужестве Муравьева).
Фотография конца XIX века*

*Ольга Сергеевна Муравьева
(дочь Сергея Николаевича Муравьева,
в замужестве Кузнецова).
Фотография 1870-х годов XIX века*

*Андрей Капитонович Кузнецов
(муж О. С. Муравьевой).
Фотография конца XIX века*

*Александра Сергеевна Муравьева
(в замужестве Бугайская).
Фотография конца XIX века*

*Любовь Сергеевна Муравьева
(в замужестве Теш).
Фотография конца XIX века*

*Сергей Андреевич Кузнецов.
Фотография начала XX века*

не могу не сожалеть об ошибке им сделанной». Последняя фраза относится к женитьбе Сергея Николаевича на Софье Ивановне Петрулевой — простой дворянке. Александр сообщал брату Николаю: «Я слышал, что Сергей женился без позволения отцовского. Что ты думаешь об этом? Ужели батюшка ему не простит?». Отец, видимо, не простил, да и братья не одобряли подобного поведения. Можно предположить, что Сергей стал изгоем в семье.

Между тем Софья Ивановна была прекрасным человеком. Ее внук и мой дед Сергей Андреевич Кузнецов в своих письмах отзывался о ней очень тепло, называя ее «доброй бабушкой». Она помогала ему в трудное для него время ареста и ссылки как народовольца.

Достаю из альбома фотографию Софьи Ивановны с надписью на обороте, сделанной ее рукой. Фотографии более ста лет. Надпись: «Милому внуку Сергею Андреевичу Кузне-

цову, милой внучке Ольге Николаевне (жена деда, моя бабушка. — А. К.) и Владимиру Сергеевичу (их старший сын, мой отец еще не родился. — А. К.), которых очень люблю». Ручкой деда помечено: «Софья Ивановна Муравьева (Петрулева). Р. 20.7.1811 — 4.4.1897 г. Погребена в Москве в Новодевичьем монастыре».

В нашем семейном архиве, как я уже говорил, сохранились фотографии и акварельные портреты всей семьи С. Н. Муравьева. Вот сам Сергей Николаевич (акварель): высокий лоб, мясистый нос, как и у всех Муравьевых, гордая осанка, строгий взгляд. Снимки моей прабабушки Ольги Сергеевны Кузнецовой, ее сестер Александры Сергеевны, Любви Сергеевны и Софии Сергеевны, которая замуж не выходила и осталась Муравьевой. Эти портреты и фотографии никогда не публиковались.

Литература:

- Воспоминания о графе Михаиле Николаевиче Муравьеве. М., 1866.
 Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1875.
 Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1886—1887.
 Муравьев М. В. Муравьевы. 1488—1893. Ревель, 1893.
 Петербургский некрополь. В 4 т. СПб., 1912—1913. Репринтное издание.
 Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.
 Муравьев С. Н. Муравьевы (краткая история рода). Труды Государственного Исторического музея. Вып. 88. М., 1995.

Вячеслав Николаевич Рожков

По Акишевской дороге, на речке на Самынке...

Из истории города Одинцово Московской области
и ближайших к нему поселений

<http://www.odintsovo.info>

Одинцово. Аэрофотография П. Муравьева. 2005 год

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Схема расположения старинных поселений вблизи подмосковного села Одинцово (конец XVII — XVIII век).

Составлена В. Н. Рожковым

Минуло уже почти 40 лет, как старинное подмосковное село Одинцово и располагавшаяся в полутора километрах от него деревня Акишево завершили свое существование. Много веков их связывала Акишевская дорога, следы и ориентиры которой еще кое-где видны. В прошлом столетии местные жители называли ее «грушок». Для акишевских крестьян она являлась главным путем во внешний мир. По этой дороге ходили они в сельский храм, детвора — в располагавшуюся вблизи храма школу; занимавшиеся извозом мужики выезжали по ней на Можайский тракт, чтобы следовать далее в Москву к Дорогомиловской заставе.

Акишевская дорога начиналась на Можайском шоссе примерно в полукilометре от храма Гребневской иконы Божией Матери, что в городе Одинцове. Вдоль дороги рядом со старым селом в начале XX века сформировался рабочий поселок Одинцово. В его центральной части дорога пересекала сначала Подушкинское, затем Красногорское шоссе и приводила к дачному поселку Красная Горка. Дальше начинались колхозные поля, а за ними виднелись первые дома деревни Акишево. В 1957 году, за десять лет до ее сноса, в ней числилось почти сто домов, в которых проживало более 1500 человек¹. Главная улица деревни тянулась вдоль неглубокого овражка, спускавшегося

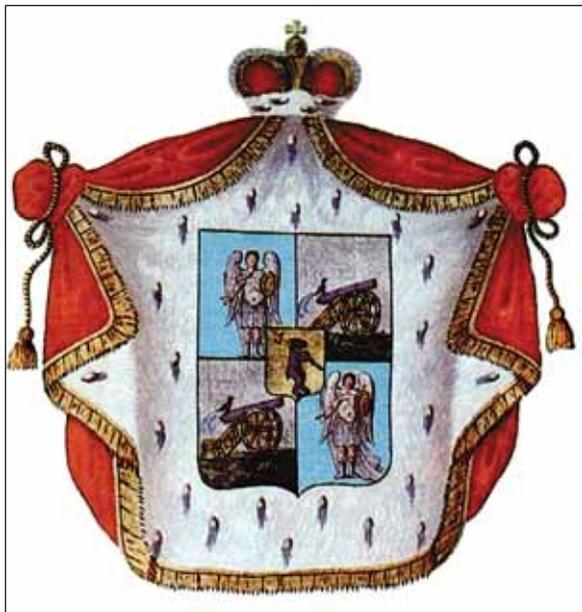
МИНУЛО УЖЕ ПОЧТИ 40 ЛЕТ, КАК СТАРИННОЕ ПОДМОСКОВНОЕ СЕЛО ОДИНЦОВО И РАСПОЛАГАВШАЯСЯ В ПОЛУТОРА КИЛОМЕТРАХ ОТ НЕГО ДЕРЕВНЯ АКИШЕВО ЗАВЕРШИЛИ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. МНОГО ВЕКОВ ИХ СВЯЗЫВАЛА АКИШЕВСКАЯ ДОРОГА, СЛЕДЫ И ОРИЕНТИРЫ КОТОРОЙ ЕЩЕ КОЕ-ГДЕ ВИДНЫ.

к Решетникову пруду — любимому месту отдыха окрестного населения.

Во второй половине XVII века до 1673 года село Акишево было вотчиной двух стольников царя Алексея Михайловича — князя Степана Никитича Шаховского и представителя старинного дворянского рода Ивана Ивановича Стрешнева. Затем почти двести лет, вплоть до отмены крепостного права, Одинцово и Акишево входили в одну вотчину. Наверное, немного наберется в стране поселений, владельцы которых

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Герб рода князей Шаховских. Из книги «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» (СПб., 1799—1840)

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА
ДО 1673 ГОДА СЕЛЬЦО АКИШЕВО
ЯВЛЯЛОСЬ ВОТЧИНОЙ
ДУХУ СТОЛЬНИКОВ ЦАРЯ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА —
КНЯЗЯ СТЕПАНА НИКИТИЧА
ШАХОВСКОГО И ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
СТАРИННОГО ДВОРЯНСКОГО РОДА
ИВАНА ИВАНОВИЧА СТРЕШНЕВА.

Герб дворянского рода Стрешневых. Из книги «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» (СПб., 1799—1840)

оставили столь яркий след в отечественной истории². С 1673 года сельцо, а затем и деревня принадлежали ближайшему советнику и другу царя Алексея Михайловича боярину А. С. Матвееву³. В 1678 году в сельце Одинцове он построил деревянную церковь во имя священномученика Артемона, и село было переименовано в «Артемоновское Адинцово тож». После трагической гибели боярина от рук взбунтовавшихся стрельцов вотчина переходит к его сыну — сподвижнику Петра I, дипломату, сенатору, президенту Юстиц-коллегии графу А. А. Матвееву. В 1735 году владельцем вотчины становится генерал-прокурор Сената граф П. И. Ягужинский, в 1760-м — родственник императрицы Елизаветы Петровны по материнской линии генерал-аншеф граф А. М. Ефимовский. В 1789 году вотчину приобретает сенатор граф А. Н. Зубов (отец светлейшего князя Платона Зубова — фаворита императрицы Екатерины II). После смерти А. Н. Зубова село и деревню наследует его супруга — графиня Е. В. Зубова, на средства которой в конце 1800 года вместо простоявшей более ста лет деревянной церкви был возведен каменный храм во имя Гребневской иконы Божией Матери. Следующая владелица Одинцова и Акишева — невестка Е. В. Зубовой, дочь генералиссимуса А. В. Суворова графиня Н. А. Зубова. Последним вотчинником в 1853 году стал князь Б. В. Мещерский.

*В. А. Тропинин.
Графиня Наталья Александровна Зубова.
Холст, масло. 1834 год*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Артамон Сергеевич Матвеев.
Портрет XVII века*

*Павел Иванович Ягужинский.
Портрет XVIII века*

После сноса деревни (1967) по ее главной улице проложили проезд, а в историческом центре возвели две школы (ныне гимназии) № 7 и № 11 города Одинцово. Недалеко от них стоят старинные яблони и высокие тенистые липы, оставшиеся здесь от стародавних времен.

В Акишево дорога не кончалась, она вела дальше к располагавшемуся на опушке леса дачному поселку с поэтическим названием «Верхнее Отрадное». Своим возникновением поселок обязан нефтепромышленникам К. Я. и Л. К. Зубаловым, более ста лет тому назад проложившим шоссе к своему загородному имению у деревни Калчуга на речке Медвенке. Со временем вдоль «Зубаловской дороги» (ныне это — Красногорское шоссе) стали приобретать участки и строить дачи состоятельные москвичи. После революции здесь отдыхали видные военные и чиновники.

Миновав дачный поселок, Акишевская дорога приводила на широкую лесную поляну с еще молодыми в середине прошлого века сосновыми посадками, далее спускалась вниз к заросшей кустарником речке Самынке. Как только ни писалось в литературе ее название: Самина, Самына, Самыня, Сомынка.... Редко кто в наши дни обратит внимание на струящуюся в зарослях речку, скорее похожую на ручей. А ведь сколько интересных исторических событий связано с ней! Наиболее раннее упоминание находим в донесении русских разведчиков, посылавшихся в сентябре 1618 года

из Москвы по большой Звенигородской дороге навстречу отрядам польского королевича Владислава: «Проехали направо бором к Москве реке и приехали на пустошь против Ильинского и Луцкого и стояли на той пустоши с час, рассматривали, и в Ильинском стреляли из пищалей. И <...> поехали подле Москвы реки к большой звенигородской дороге и доехали до речки Самыни, и бита сакма (конные следы. — *В. Р.*), ежено ново, подле реки Москвы на речке Самыни лошадей по 5 и по 6»⁴.

Давным-давно Самынка была более протяженной и полноводной; ее ширина, если судить по размерам сохранившегося старого русла, достигала едва ли не 50 метров. Писцовая книга начала XVII века свидетельствует, что истоки речки находились вблизи «сельца Яскино на пруде». Сельцо принадлежало тогда «Ондрею Иванову сыну Чепчюгову»⁵. В 1960-х годах с началом массового жилищного строительства в городе Одинцово гидрологические условия бассейна Самынки стали заметно ухудшаться. Однако и в наши дни на обмелевшей речке насчитывается пять великолепных наполненных ее водами прудов. Кроме Решетникова пруда, из которого ныне Самынка вытекает, это лесной пруд вблизи деревни Подушкино, далее в полутора километрах — пруд на территории санатория «Барвиха», еще ниже по течению — Барвихинский пруд у так называемой Теплой горки и последний

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Безмянный проезд в третьем микрорайоне города Одинцово.
40 лет назад здесь проходила главная улица деревни Акишево. Фотография 2008 года*

**В АКИШЕВО ДОРОГА НЕ КОНЧАЛАСЬ,
ОНА ВЕЛА ДАЛЬШЕ
К РАСПОЛАГАВШЕМУСЯ
НА ОПУШКЕ ЛЕСА ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ
С ПОЭТИЧЕСКИМ НАЗВАНИЕМ
«ВЕРХНЕЕ ОТРАДНОЕ».**

перед впадением Самынки в Москва-реку — пруд в дачном поселке недалеко от деревни Барвиха. Возможно, как раз о нем писал С. Т. Аксаков, вспоминая свой отдых в 1841 году: «Я жил все лето в подмосковном селе Ильинском; от него верстах в трех есть довольно большой глубокий пруд и мельница при деревне Оборвихе на речке Сомынке; всякой рыбы много водилось в этом пруду»⁶. Аксаков не оговорился: именно Оборвихой звалась тогда известная ныне всему миру Барвиха. Подтверждение находим в записях за 1846 год метрической книги «Христо-Рождественской, что в селе Подушкине, церкви»⁷.

В 1970-х годах по левому берегу Самынки вилась чудесная лесная тропа, представлявшая собой продолжение старой Акишевской дороги. Всем местным жителям она была знакома с детства. Стволы белеющих берез и золотистых сосен, густая зелень вековых елей и могучих дубов, поистине райские поляны, — все здесь и ныне радует душу.

Если продолжить путь вдоль Самынки, можно выйти к лесному пруду, в километре от которого справа по течению речки расположена уже упоминавшаяся старинная деревня Подушкино. В 1627 году Подушкино являлось селом, о чем говорится в цитируемой выше писцовой книге: «За московским гостем за Иваном за Гавриловым сыном Сверчковым, что была преж того вотчина Семена Висковатова, село Подушкино на враге у речки у Сомынки, а в селе церковь Рождества да предел Покрову Святые Богородицы деревяна клетки строена». На территории Подушкинского лесопарка сохранились уникальные памятники ранней истории Подмосковья. О них далее и пойдет речь.

* * *

Одинцовская земля была населена с незапамятных времен, о чем свидетельствуют

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Лесной пруд в километре от деревни Подушкино. Вблизи этих мест в начале прошлого тысячелетия поселились на Одинцовской земле первые славянские колонисты. Фотография 2008 года

дошедшие до наших дней древние городища и многочисленные курганы. В 1925 году на Теплой горке у речки Самынки проводились раскопки Барвихинского городища — памятника дьяковской культуры⁸. Археологическая карта России относит его к третьей четверти первого тысячелетия нашей эры⁹. Историки полагают, что тогда на берегах Москва-реки и ее притоков обитали затем вошедшие в состав русского государства племена угро-финского происхождения. Первые упоминания о них встречаем в Повести временных лет под 882 годом, когда Олег выступил в поход из Новгорода к Смоленску и взял в свою дружину «мнози варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи». Между древнерусскими городами не существовало прямых водных путей. Значит, на Руси уже в те времена имелись весьма протяженные проторенные в лесах дороги¹⁰.

Славянские колонисты стали активно осваивать берега Москва-реки и ее притоков в конце первого тысячелетия нашей эры. Со временем в местах их компактного проживания сформировались общинные центры. Один из наиболее крупных располагался в среднем течении Самынки. На это указывает курганный комплекс на территории По-

ЕСЛИ ПРОДОЛЖИТЬ ПУТЬ ВДОЛЬ САМЫНКИ, МОЖНО ВЫЙТИ К ЛЕСНОМУ ПРУДУ, В КИЛОМЕТРЕ ОТ КОТОРОГО СПРАВА ПО ТЕЧЕНИЮ РЕЧКИ РАСПОЛОЖЕНА СТАРИННАЯ ДЕРЕВНЯ ПОДУШКИНО.

душкинского лесопарка (почти 250 курганов), являющийся, по оценке ученых, самым большим в Подмосковье. Даже в масштабах всей страны курганные комплексы таких размеров — большая редкость.

Исследования комплекса начались в середине XX века археологическим отделом Музея истории и реконструкции города Москвы под руководством А. Г. Векслера. В курганах обнаружили разнообразные предметы быта, женские украшения, в частности, характерные для вятичей семилопастные височные кольца¹¹. У городского славянского населения обычай захоронения в курганах по языческому обряду прекратился с введением на Руси христианства.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Однако крещеное сельское население продолжило эту традицию и в XIII веке, и, возможно, в более поздние времена, о чем свидетельствуют, в частности, редкие находки в курганах нагельных крестиков.

В условиях лесистой и болотистой местности водные пути для колонистов были жизненно необходимы, позволяя проникать в глубь Московии, поддерживать связь с внешним миром. Зимником по льду Москва-реки ездили «в Москов» — зарождающийся удельный город. Везли туда то, что давало сельское хозяйство, лес и река, в обмен на необходимые в крестьянском быту изделия посадских мастеров: орудия труда, одежду, посуду, украшения. Саннный путь в Москву по льду извилистых рек был слишком долог и действовал лишь зимой. Это обстоятельство послужило главной причиной прокладки более коротких торных дорог, связывавших славянские поселения с удельным центром. Расположение естественных преград (урочищ) имело решающее значение при выборе дорожных трасс. Местность в районе Самынки изрезана многочисленными глубокими оврагами, со всех сторон спускавшимися к речке. Да и сама речка, почти на всем своем протяжении имеющая

крутой правый берег, для первых поселенцев представляла труднопреодолимую преграду. Наиболее надежный путь к удельному городу, не требовавший сооружения моста, вел от славянских поселений в среднем течении Самынки на юг к удобной переправе, от переправы поворачивал на юго-восток, а потом — на северо-восток к Москве. По всей видимости, в XII веке эта дорога, впоследствии названная Акишевской, являлась основным маршрутом, который независимо от времени года связывал славянские поселения на Самынке с Москвой, позволяя добираться до города и возвращаться назад за световой день.

Прошли века, прежде чем потомки первых поселенцев — вятичей — оставили места своего обитания на берегах Москва-реки и ее притоков. В Списке с писцовой книги XVII века (все той же — за 1627 год) упоминаются пустоши «на речке на Сомынке», которыми вместе с селом Подушкино тогда владел «московский гость Иван Сверчков»: «Онтово», «Лихачево Вешняково тож», «Ильино Чиркино тож», «Лазарево Поновка тож» и «Марино»¹². Кто знает, может, свои названия эти пустоши переняли от существовавших здесь ранее славянских сел и деревень.

*Поляна на левом берегу речки Самынки.
Фотография 2008 года*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Древний курган у речки Самынки. Слева на дереве висит табличка:
«Памятник археологии. Курганный комплекс Одинцово-6». Фотография 2009 года*

Процесс расселения славян в Подмоскowie не был равномерным. Появлялись селища, деревни, состоявшие всего из нескольких дворов. Во время вражеских нашествий и других бедствий многие из них пустели, а через какое-то время «запустошенные» поселения возрождались вновь под теми же или другими названиями. В исторической литературе, посвященной Одинцовской земле, возникновение села Одинцово и ближайших к нему сел и деревень не увязывают с расположенными всего в нескольких километрах от них древними курганами. Однако многочисленные общинные поселения на Самынке не могли исчезнуть бесследно, как и возникшие в далеком прошлом села и деревни не могли создаться из ничего. Исторические факты и археологические памятники веков давно минувших приводят к мысли, что главным центром распространения славян по Одинцовской земле явились именно первые поселения в среднем течении Самынки. Из писцовых и межевых книг XVII века узнаем, что вдоль Самынки в то время располагались «село Рождественное Подушкино тож на враге у речки у Самынки», «сельцо Метехино Лайково тож на враге», «деревня Окулово на пруде», «сельцо Яскино на пруде», «деревня Глазынино на речке на Передельце»¹³. Позднее при впадении Самынки в Москва-реку образовалась деревня Оборвиха, а в начале XX века в среднем ее течении — два поселка: Барвиха

**МЕСТНОСТЬ В РАЙОНЕ САМЫНКИ
ИЗРЕЗАНА МНОГОЧИСЛЕННЫМИ
ГЛУБОКИМИ ОВРАГАМИ,
СО ВСЕХ СТОРОН СПУСКАЮЩИМИСЯ
К РЕЧКЕ. ДА И САМА РЕЧКА,
ПОЧТИ НА ВСЕМ СВОЕМ ПРОТЯЖЕНИИ
ИМЕЮЩАЯ КРУТОЙ ПРАВЫЙ БЕРЕГ,
ДЛЯ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ
ПРЕДСТАВЛЯЛА ТРУДНОПРЕОДОЛИМУЮ
ПРЕГРАДУ.**

и Нижнее Отрадное. Вдоль Акишевской дороги находилось «сельцо Акишево на пруде», «деревня Семенково на пруде», «село Одинцово на пруде», «деревня Костово Косово тож на общем враге», «деревня Мамоново на враге». У каждого из названных поселений — своя непростая судьба¹⁴. Сохранили названия деревни Шульгино, Глазынино и Мамоново. А вот села Рождественное Подушкино мы уже не найдем на картах Подмосковья: на его месте ныне две деревни — Подушкино и Рождественно. Деревня Окулово после постройки там в середине XVII века деревянного храма

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Дом отдыха «Одинцово». Когда-то здесь шла лесная тропа,
являвшаяся раньше продолжением Акишевской дороги.*

Фотография 2008 года

**БЕЗЫМЯННОМУ ПРОЕЗДУ,
ПРОЛОЖЕННОМУ ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ
СНЕСЕННОЙ ДЕРЕВНИ, ДАВНО ПОРА
ДАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ —
«АКИШЕВСКИЙ», А НА ФАСАДЕ
ГИМНАЗИИ № 7 УСТАНОВИТЬ ПАМЯТНУЮ
ДОСКУ С ТАКОЙ ПРИМЕРНО НАДПИСЬЮ:
«ЗДЕСЬ ДО 1970 ГОДА БЫЛ ЦЕНТР
ДЕРЕВНИ АКИШЕВО, ИЗВЕСТНОЙ
С XVII ВЕКА КАК «ВОТЧИНА КНЯЗЯ
СТЕПАНА КНЯЖ НИКИТИНА
СЫНА ШАХОВСКОГО ДА ИВАНА ИВАНОВА
СЫНА СТРЕШНЕВА».**

в честь Покрова Божией Матери стала селом Покровским, а впоследствии — Акуловым, деревня Оборвиха — Барвихой, а деревня Марково по фамилии ее владельцев «Володимира да Дмитрия Тимофеевых детей Вырубова» получила название Вырубово.

Вот уже сорок лет перестали существовать старинные деревни Яскино и Акишево. В документах XVII века (см. выше) о «сельце Яскино на пруде» сказано, что «владеет Ондрей Чепчугов тою своею вотчиною по старине». Значит, возникло оно намного раньше. В середине XX века Яскино, насчитывавшее более 200 дворов, «растворилось» в территории южной промзоны города Одинцово. Одну из улиц города с еще сохранившимися деревенскими домами назвали «Старое Яскино». Жаль, что от деревни Акишево, на месте которой расположился третий городской микрорайон, практически ничего не осталось — лишь немногие одинцовские старожилы помнят о ней. По справедливости, безымянному проезду, проложенному по главной улице снесенной деревни, давно пора дать историческое название — «Акишевский», а на фасаде гимназии № 7 установить памятную доску с такой примерно надписью: «Здесь до 1970 года был центр деревни Акишево, известной с XVII века как «вотчина князя Степана княж Никитина сына Шаховского да Ивана Иванова сына Стрешнева».

* * *

Поселения исчезают не только в наше время. Давно уже нет в окрестностях Одинцово деревень «Семенково на пруде» и «Костово

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Косово тож на общем враге». Межевая книга 1673 года¹⁵ позволяет определить места их расположения: первая стояла на развилке Можайской и Акишевской дорог, вторая — вблизи Можайской дороги у «большого Костьковско-го врага» в полукилометре от деревни Мамонново. Село Одинцово поглотил крупный город, унаследовавший историческое название. В энциклопедии «Города России» сказано, что село Одинцово Сетунского стана на Большой Можайской дороге известно с 1627 года как владение бояр Исленьевых¹⁶. Согласно другим источникам¹⁷, село числилось «за Степаном Ивановым сыном Исленьевым, Андреем и Васильем Михайловыми детьми Савиными». Однако приведенные сведения не точны. В Списке с писцовой книги за 1627 год читаем: «За Андреем да за Воином за Петровыми детьми Совиными отца их поместье и с тою половиною, что была за братом их за Макарьем Совиным половина села Одинцова на пруде. А другая половина того села за Степаном Исленьевым, <...> написано то поместье Воинова половина по Государеве по вольной грамоте за приписью дьяка Федора Шушерина 7125 (1627. — *В. Р.*) года»¹⁸. Ссылка на более раннюю государеву грамоту позволяет «продлить»

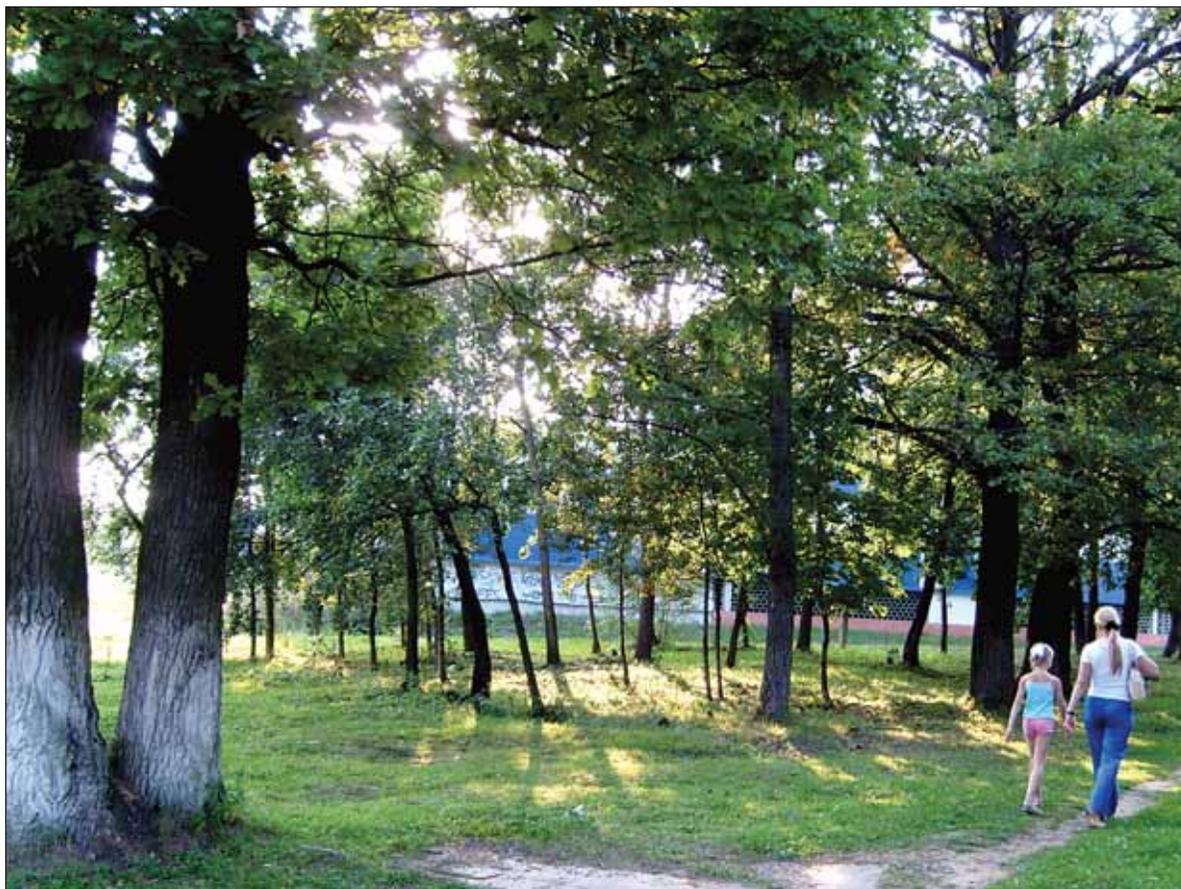
Храм Гребневской иконы Божией Матери на Можайском шоссе. Фотография 2008 года

Вид на Решетников пруд с Красногорского шоссе. Фотография 2008 года

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Детский парк «Малыш» в центральной части города Одинцово. Здесь проходила старая Акишевская дорога. Сохранились рядком стоящие вековые дубы — ее живые ориентиры

время существования села Одинцово на 10 лет в сравнении с энциклопедией¹⁹. Из Списка следует, что в начале XVII века Степан Исленьев владел лишь половиной села, а другая половина принадлежала Андрею и Воину — детям Петра Совина. В «Одинцово на пруде» имелась церковь, стоявшая на «Исленьевской» половине²⁰. Из Списка с переписной книги 1648 года²¹ узнаем, что к тому времени церкви в Одинцово уже не было; оно значилось сельцом. В первой половине XVII века число жителей Одинцова составляло не более десяти человек. Для сравнения отметим, что по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года в городе Одинцово проживало 134,8 тысяч человек.

* * *

Старая Акишевская дорога, трасса которой сохранялась неизменной до середины XX века, привела нас туда, где почти тысячу лет назад начиналась история Одинцовской земли. Но были ли первые поселения на Самынке тем местом, где заканчивалась Акишевская дорога, или она устремлялась дальше? Почему именно здесь, у Самынки, сформировалось столь крупное общинное поселение? Поиск ответов на эти вопросы — впереди...

Все фотографии, кроме оговоренной, выполнены автором.

¹⁹Архивный отдел администрации Одинцовского р-на Московской обл. Похозяйственная книга № 4 Акуловского сельсовета за 1955–1957 гг.

²⁰Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы. Выпуск 3. Загородная десятина Московского уезда. М., 1886. С. 5–6.

²¹РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 687, л. 260–264.

⁴Холмогоров В. Холмогоров Г. Указ. соч. С. 330.

⁵РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 9807, л. 820–826 об.

⁶Аксаков С. Т. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 4. М., 1966. С. 341–342.

⁷ЦИАМ. Ф. 203, оп. 745, д. 1704.

⁸Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 10.

⁹Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М., 1994. С. 113.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

¹⁰Существует мнение, что дороги в Подмосковье возникли «не ранее XIV века, когда в достаточном количестве появились орудия для вырубki лесов». Однако наши предки при прокладке дорог могли обходиться малыми силами и средствами. К примеру, знаменитую Бабиновскую дорогу в Сибирь от Соли Камской в Верхотурье длиной около 270 верст в XVI в. проторили всего за два года «два целовальника и с ними посошных людей 40 человек» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

¹¹Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 16–17.

¹²РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 9807, л. 820–826 об.

¹³Там же. Д. 687, л. 260–264.

¹⁴Смутное время, по словам И. Е. Забелина, «опустошило подмосковные земли из конца в конец». Многие деревни, в том числе Акишево и Мамоново, «разоренные Литвою», опустели (см.: Забелин И. Е. Кунцево и древний

Сетунский стан. М., 1873. С. 138, 226; Холмогоров В., Холмогоров Г. Указ. соч. С. 340).

¹⁵см. сноску 3.

¹⁶Города России. Энциклопедия. М., 1994. С. 324.

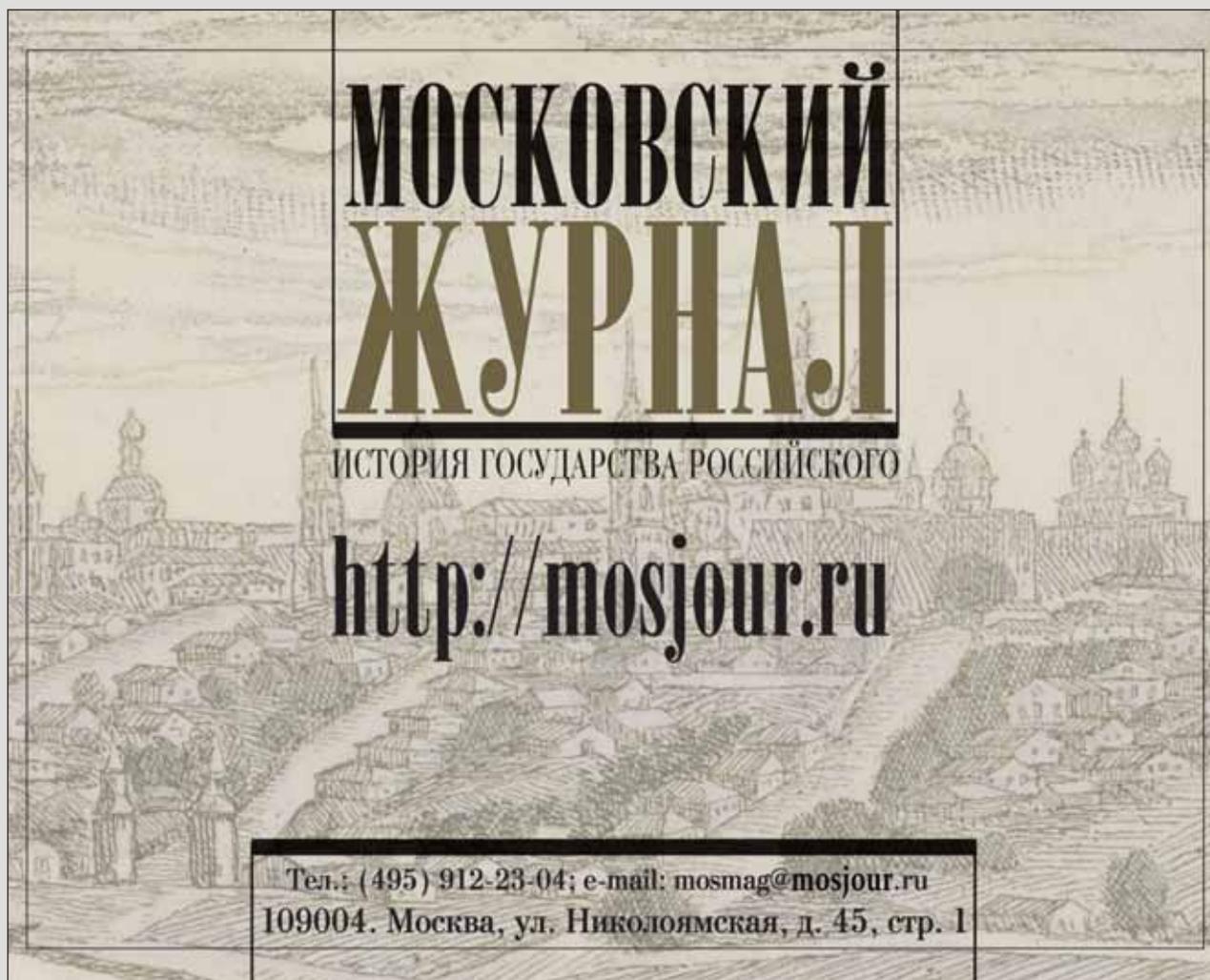
¹⁷Холмогоров В. Холмогоров Г. Указ. соч.

¹⁸См. сноску 5.

¹⁹В Жалованной грамоте князя Звенигородского Андрея Васильевича (1470) содержится упоминание о некоем селище Одинцово, «што к Городцкому стану». Схожесть в названиях селища и села, хронологические соответствия и некоторые другие признаки говорят в пользу того, что в Списке и грамоте речь может идти об одном и том же поселении (см.: РГАДА. Ф. 281, оп. 11, д. 4676).

²⁰К сожалению, в Списке с писцовой книги 1627 г. оказался утерянным лист с началом текста, где говорится о владениях Степана Исленьева в Одинцово. В честь кого в селе была освящена церковь, остается загадкой.

²¹РГАДА. Ф. 1209, оп. 1.

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://mosjour.ru>

Тел.: (495) 912-23-04; e-mail: mosmag@mosjour.ru
109004. Москва, ул. Николоямская, д. 45, стр. 1

Виктория Николаевна Торопова

Портрет «Лиза Таль»

Об одном портрете работы М. В. Нестерова и о той,
что позировала художнику

М. В. Нестеров. Портрет «Лиза Таль». Холст, масло. 1936 год

Оригинал портрета моей тети Елизаветы Ивановны Таль кисти Михаила Васильевича Нестерова никто не видел вот уже более 50 лет. Хотя с 1939 года он находится в Русском музее в Петербурге, однако запрятан глубоко в запасы и не был представлен ни на одной выставке М. В. Нестерова, даже на юбилейной — к 100-летию рождения художника (1962). Очень давно, в 1950-х годах, я видела его в экспозиции музея. Меня тогда удивила странная подпись: «Портрет советской девушки». Михаил Васильевич называл этот портрет «Лиза Таль» — именно так он обращался к подруге своей младшей дочери Натальи.

Историю портрета следует начать с 1921 года, когда две новенькие — Лиза Таль и Наташа Нестерова — сели за одну парту в выпускном классе бывшей Алферовской гимназии. Супругов Алферовых после революции расстреляли, однако авторитет их учебного заведения оставался по-прежнему высоким. В 1921 году в 11-й школе имени Л. Толстого, как теперь именовалась гимназия, работали в основном те же преподаватели и сохранялись прежние традиции обучения и воспитания. Здание гимназии до сих пор стоит на высоком берегу Москва-реки и смотрит окнами через реку на площадь Киевского вокзала.

Обеим девочкам требовалось получить московский аттестат, подтверждающий среднее образование. Наташа только что вернулась с мамой и братом Алешей из Армавира, где успешно окончила школу-гимназию, но ее диплом в Москве не признали (до 1917 года она училась в Екатерининском институте благородных девиц). В Армавир же семья Нестеровых уехала «подкормиться» в голодное лето 1917-го и застряла там на три года, отрезанная от Москвы фронтом гражданской войны. Возвратившись в 1920 году в Москву, М. В. Нестеров обнаружил, что его квартира и мастерская на Новинском бульваре (в бывшем доме князя С. А. Щербатова) заняты Реввоенсоветом. Выброшенные на улицу вещи, альбомы, эскизы, этюды пропали. Уцелели лишь картины, которые художник перед отъездом сдал на хранение в Исторический музей. Виктор Николаевич Шретер, муж старшей дочери Нестерова — Ольги, предложил Михаилу Васильевичу занять две комнаты в его четырехкомнатной квартире на Сивцевом Вражке. Тот с женой и двумя детьми поселился у зятя «временно». Оказалось, до конца жизни.

Лиза Таль тоже недавно вернулась в Москву из Ялты. До революции она несколько лет провела в имении «Карагач» у родственников. Гражданская война задержала ее в Ялте до 1920 года. Теперь она жила с родителями и братьями недалеко от Сивцева Вражка в Мо-

*Иван Михайлович и Лилия Карловна Таль.
Фотография 1903 года*

лочном переулке возле Зачатьевского монастыря. Иван Михайлович Таль — банковский служащий — занимал с семьей половину первого этажа дома своего дяди, Зигфрида Таля, купца 1-й гильдии. Женат Иван Михайлович был на бельгийке Лилии Карловне (Лиллиозе, Софии, Марии), урожденной Бауермайстер, приехавшей однажды в Москву из Брюсселя на гастроли с артистической труппой и не устоявшей перед обаянием «блестящего Ванечки». В семье все говорили на немецком языке; он стал вторым родным языком для детей — Коли, Лизы, Вани — и сыграл роковую роль в судьбе Коли — моего отца.

Наташа Нестерова и Лиза Таль сразу подружились. Характер у обеих был веселый, озорной. Тремя классами младше учились их братья — Алеша Нестеров и Ваня Таль, о которых вспоминает одноклассник Алеши и Вани С. М. Голицын в книге «Записки уцелевшего» (М., 1990).

Постепенно из друзей детства и новых знакомых образовалась большая компания. С Покровского бульвара приезжала Катя Степанова — дочь художника Алексея Степановича Степанова, друга М. В. Нестерова. (Степанов умер в 1923 году. Осиротевшая семья жила в нужде. М. В. Нестеров выхлопотал вдове пенсию.). Неподалеку жил Коля Воробьев — сын

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Три поколения Талей. Справа – отец Михаил Львович, слева – его сын Иван Михайлович, на заднем плане (слева направо) – внуки Коля и Ваня. Фотография 1920-х годов

*Лиза Таль.
Фотография 1915 года*

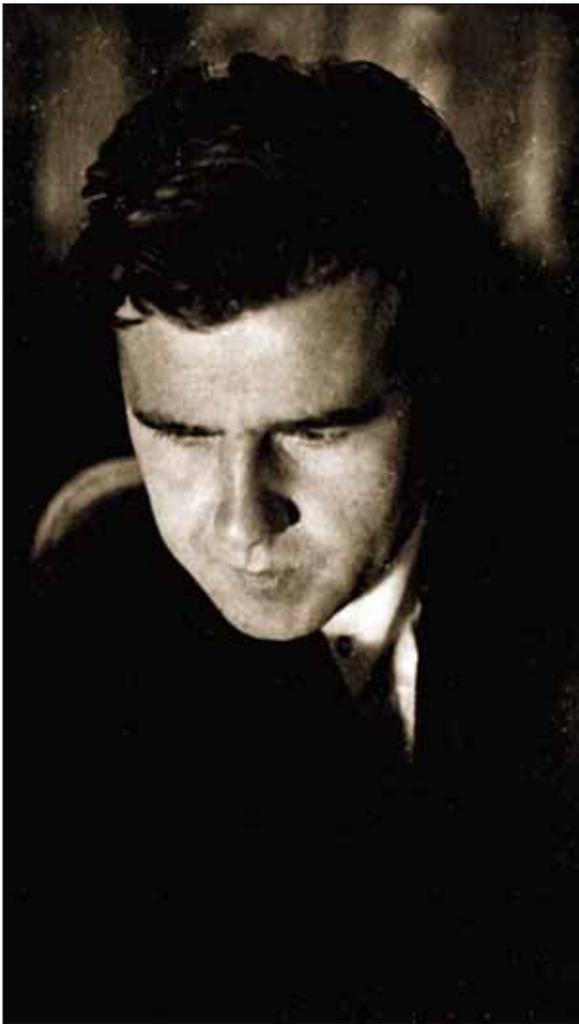

*Николай Таль.
Фотография 1919 года*

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

протоиерея Владимира Воробьева — настоятеля церкви Николая в Плотниках, прихожанами которой были Нестеровы. (Храм взорвали в 1936 году, незадолго до этого, в начале 1930-х, арестовали отца Владимира и после лагеря сослали в город Спасск. Нестеровы и ему оказывали посильную помощь). В 1923 году в доме Нестеровых появился начинающий художник Федор Булгаков — сын недавно высланного из России философа С. Н. Булгакова. В 1945 году, пережив арест (проходил по одному делу с отцом Владимиром Воробьевым, А. Ф. Лосевым и другими), тюрьму, ссылку, фронт, он станет мужем Наташи. Вслед за Федором в компанию вошел его друг-одноклассник Андрей Сабуров — один из любимых учеников известного литературоведа, театроведа, педагога, религиозного писателя С. Н. Дурылина, биографа М. В. Нестерова.

Собирались чаще всего у Нестеровых (Михаил Васильевич не протестовал, не говорил, что ему мешают работать), иногда у Талей в Молочном переулке, где в большой комна-

*Николай Владимирович Воробьев.
Фотография конца 1930-х годов*

те стоял рояль. Наташа и Лиза то и дело бегали друг к другу в гости. Им ничего не стоило несколько раз в день пронестись арбатскими переулками от Сивцева Вражка к Молочному переулку и обратно. Виктор Николаевич Шретер, открывая в очередной раз дверь на звонок, с улыбкой произносил: «Liza Thal noch einmal» («Лиза Таль еще раз»). Дом Нестеровых был очень гостеприимным. Каждого гостя угощали не только умной интересной беседой, но непременно усаживали за стол, даже если угощение состояло только по тогдашней скудости из чая с сухарями. У Талей также любили гостей. Ивану Михайловичу нравились друзья детей, нередко он принимал деятельное участие в их забавах.

В 1923 году Нестеров написал знаменитый ныне портрет Наташи «Девушка у пруда» (Государственная Третьяковская галерея). Так она выглядела в первые годы дружбы с Лизой. Вот только сидеть долго на одном месте могла, лишь позируя отцу для его картин. С малых лет привыкла к тому, что это ее обязанность, и стойко переносила часы сеансов.

Тогда высшее образование девушкам не-пролетарского происхождения было практически недоступно. В 1929 году в Москве открылись курсы иностранных языков. Лизу приняли. Через год курсы преобразовали в Московский институт новых языков (в результате нескольких реорганизаций он стал называться Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков, а в 1964-м получил имя Мориса Тореза). Диплом института позволил Лизе получить место экскурсовода-переводчика с английского языка в Интуристе. Общение с иностранцами послужило причиной того, что в 1933 году Елизавета Ивановна потеряла работу. Ожидала даже ареста, но, к счастью, обошлось. Она уже пережила арест родителей. Носила в тюрьму передачи, просиживая часами в очереди в ожидании, когда откроется окошечко, выкрикнуть ее фамилию и назовут, что можно передать: «Таль, ложку». Пускай только ложку — ясно: родители живы и находятся здесь. В конце концов родителей выпустили, но они лишились жилья в Москве и до конца жизни были вынуждены снимать комнату в Подмоскowie. Тяжелым переживанием был и арест брата Коли. Он работал переводчиком с немецкими специалистами, приглашенными в Россию восстанавливать промышленность. Его арестовали в 1934 году и осудили по 58-й статье. Теперь на Елизавету Ивановну легло клеймо сестры «врага народа». Пройдя тюрьму, лагерь, ссылку, Николай Иванович смог вернуться в Москву только после реабилитации.

*М. В. Нестеров. Девушка у пруда
(портрет дочери Натальи Михайловны). Фрагмент.
Холст, масло. 1923 год*

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

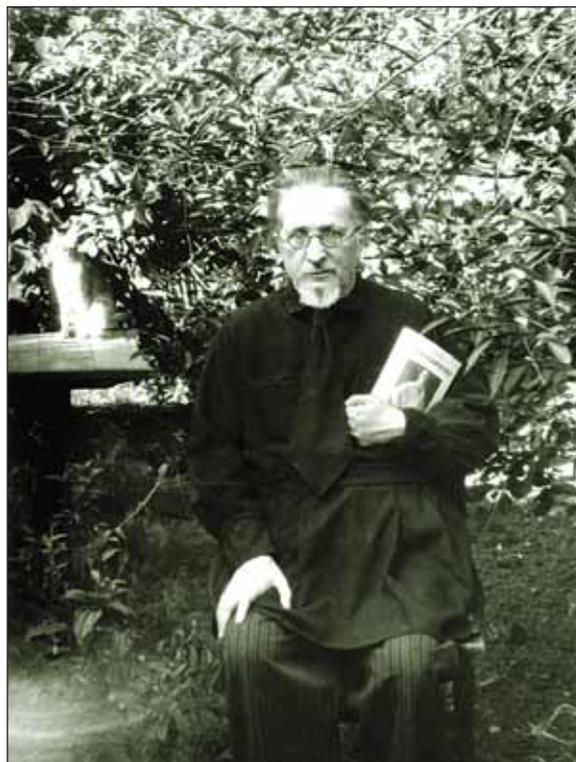
Итак, Елизавете Ивановне пришлось искать другую работу. Она устроилась в Полиграфический институт преподавателем английского языка. Это было великим везением: ее подруга по институту Танечка Давыдова, одновременно с ней лишившаяся работы в Интуристе, смогла попасть лишь на пивной завод.

Однажды в 1932 году, забежав ненадолго к Нестеровым, Лиза сидела в «вольтеровском» кресле, неоднократно запечатленном на семейных нестеровских фотографиях, и разговаривала с Михаилом Васильевичем, который ценил ее ум и независимость суждений. Неожиданно Нестеров взял блокнот, велел Лизе не двигаться и, устроившись на краешке стула напротив нее, за несколько минут сделал карандашом портретный рисунок. Вырвал страничку из блокнота, надписал: «Лизе Таль на память» и отдал ей. Местонахождение оригинала рисунка неизвестно. Мы можем воспроизвести его здесь благодаря тому, что он помещен в книге С. Н. Дурьлина «Нестеров-портретист». Эту книгу, вышедшую единственным изданием в 1949 году, Сергей Николаевич тогда же подарил Елизавете Ивановне. «Дорогая «Лиза Таль»! — писал он в сопроводительном письме. — Знаю, что Вас зовут Елизаветой Ивановной, но так звал Вас Михаил Васильевич, и портрет «Лизы Таль», а не Е. И. Таль описал я в моей книге, которую

М. В. Нестеров. Лиза Таль.
Карандашный рисунок. 1932 год

Сергей Николаевич Дурьлин
с книгой «Нестеров-портретист».
Фотография 1949 года

Титульный лист книги С. Н. Дурьлина
«Нестеров-портретист»
с дарственной надписью автора Лизе Таль

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

с глубокой благодарностью вручаю Вам. Ваш простой искренний рассказ о том, как Михаил Васильевич писал ваш портрет, украсил книгу, и многие уже указывали мне на эти страницы как на теплые и душевные: таковы они и есть, эти Ваши воспоминания о незабвенном Михаиле Васильевиче».

В графическом портрете очень живо схвачено мгновение — непринужденная поза ненадолго присевшего человека. Лицо «Лизы Таль» сосредоточенно, она внимательно слушает собеседника, то есть Нестерова. Правая рука отведена к столу. На рисунке не видно, но я знаю, что в руке — папироска, протянутая к пепельнице: Елизавета Ивановна начала курить в голодные и холодные 1920-е годы.

Художник давно хотел написать ее портрет маслом. Елизавета Ивановна рассказывала (цитируется по вышеупомянутой книге С. Н. Дурьлина «Нестеров-портретист»):

«В течение многих лет моего пребывания в нестеровском доме Михаил Васильевич не раз говорил: «Эх, Лиза Таль, будь бы я помоложе, я бы обязательно написал ваш портрет!» <...> В 1936 году Михаил Васильевич после тяжелой длительной болезни (воспаление легких) никуда не выходил, томился бездельем и добродушно-насмешливо жаловался на строгости врачей и домашнего режима, которым должен был подчиняться, хотя, по его словам, чувствовал себя прекрасно. Однажды Михаил

Васильевич обратил внимание на чрезвычайную бледность моего лица, сравнив его с белизной мраморной «флорентийской девы», стоявшей в углу за диваном, и вдруг сказал: «Вот бы сейчас ваш портрет написать. Да что об этом говорить — вы, как всегда, заняты!».

Думая, что это один из наших обычных разговоров на эту тему в продолжение многих лет, и не думая, что это серьезно, я ответила, что в настоящее время совершенно свободна, так как дело было во время каникул.

Неожиданно и быстро этот вопрос был решен. Михаил Васильевич предупредил, что ждет от меня серьезного отношения, точности прихода на сеансы и пр. Тут же М. В. посадил меня на диван под «флорентийскую деву». Помимо моей позы, М. В. уделил большое внимание окружающим мелочам — подушкам, а особенно цветам, стоявшим в вазочке около бюста. Екатерине Петровне (жене художника. — *В. Т.*) было дано поручение отыскать свежие цветочки-ягодки к следующему дню. Вообще все нестеровское семейство принимало живейшее участие.

Первый сеанс состоялся на следующий день. Никаких предварительных эскизов и рисунков не было. В первый же день весь портрет был сделан углем. Помню, что М. В., усадив меня на диван, несколько раз повторил, что его интересует поворот головы, на который он мне указал, в остальном он велел мне

*Фотография М. В. Нестерова с дарственной надписью Лизе Таль на обороте.
1932 год*

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

*Михаил Васильевич
и Екатерина Петровна Нестеровы.
Фотография 1938 года*

сидеть удобно и свободно, руки держать так, как мне хочется. К сожалению, не помню, сколько было сеансов, не более 10–12. Сеансы обычно продолжались 3–3,5 часа, иногда и больше (но редко).

Сеансы проходили в непринужденных и часто веселых разговорах и шутках. Но иногда Михаил Васильевич замолкал, особенно когда писал лицо. Тогда он, всматриваясь напряженно, подходил совсем близко, как бы впиваясь взглядом в мое лицо, иногда отходил далеко и, забыв обычный полунасмешливый тон, твердил: «Чудная матовость! Ах, какой прекрасный бледный тон!».

Нестеров любил писать портреты людей в минуты максимального напряжения их духовных сил, концентрации воли, будь то творческий порыв или внутренняя боль. А в 1936 году Елизавета Ивановна пережила личную трагедию: недолгое замужество не принесло ей счастья.

Близкий друг Нестерова и его семьи Сергей Николаевич Дурьлин хорошо знал и Елизавету Ивановну. Далее в своей книге он говорит:

«Портрет Лизы Таль писался с тонким сердечным участием художника к жизни, к судьбе молодой женщины. Это была не безразличная модель, некий интересный человеческий манекен, с которого удобно и приятно писать

красками. Это был близкий человек со всей сложностью его внутренних тревог и скорбей (выделено мной. — В. Т.)».

Но художник «остановил» это умное матовое лицо, похудевшее от внутренней боли, не для того, чтобы плакать над этой болью, а для того, чтобы порадоваться внутреннему прекрасному мужеству этой молодой женщины, смотрящей в лицо жизни взглядом сосредоточенно ясным, бодрым и прямым.

Поворот ее головы повторяет на портрете поворот головы мраморной флорентийки, также погруженной в светлую печаль. Художник не боялся этого открытого параллелизма в композиции. Он верил, что изображенный человек подчинит себе мраморное изваяние. Там, в чертах мраморной девушки, застыло неземное спокойствие; глаза ее потуплены в холодном небытии. Здесь, в чертах молодой женщины, несмотря на матовую бледность лица, сквозит воля к бытию, а в глазах ее сверкает мудрый огонь жизни.

Кисти рук молодой женщины покоятся на коленях, но они скрещены друг с другом, пальцы в пальцы, так крепко и уверенно, что и в этом жесте сквозит не скорбь и не усталость, а та же готовность на борьбу за жизнь.

Сам Нестеров, увлекшийся этой трудной задачей, как бы в раздумье стоял перед окончательным портретом. Помню, поставив его на мольберт, он по обыкновению отошел в сторону, предоставляя судить о нем без всяких авторских напутствий, но, отойдя в сторону, все-таки шепнул мне: «Кое-что затеял было в портрете, а что вышло — не знаю». И с некоторым удивлением увидел, что портрет приковал общее внимание, что его хвалят».

Хотел Нестеров написать портрет и Коли Тяля — старшего брата Лизы, неоднократно просил его через сестру позировать ему. Но Коля, проявив непростительное легкомыслие, не нашел времени для сеансов, о чем в конце жизни очень жалел.

Портрет «Лизы Таль» приобрел у художника Русский музей. С полотна сделали фотографии. Одну из них Михаил Васильевич подарил Елизавете Ивановне с надписью: «Лизе Таль («М-me Arcachon» тож) — моей чудесной модели на память. Мих. Нестеров. 1938». Прозвище «Мадам Аркашон» она получила в семье Нестеровых потому, что ее мужа звали Аркадий — больших симпатий он не вызывал, и к замужеству Лизы Таль относились с легкой иронией.

Во время войны Елизавета Ивановна находилась в эвакуации. Потом до 1964 года работала преподавателем английского языка на филологическом факультете МГУ. Студенты ее любили, так как педагогом она была от Бога.

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

*Елизавета Ивановна Таль
и Наталья Михайловна Нестерова.
Фотография 1940 года*

*Е. И. Таль у своего дома
на Собачьей площадке.
Фотография 1955 года*

*Н. М. Нестерова с мужем Ф. С. Булгаковым.
Фотография 1960 года*

*Н. М. Нестерова в своей квартире.
Фотография 1964 года*

*Н. М. Нестерова.
Пасха 2003 года*

Последние пять лет ее жизни я была возле нее (опальные родители скитались по северным стройкам). Именно тете Лизе я обязана своим образованием и духовным развитием. На Рождество и на Новый год я не ходила в компании сверстников. Гораздо интересней мне было с тетиними подругами. Веселые сюрпризы, розыгрыши, экспромты, шутки, увлекательные разговоры... Когда веселье принимало озорной характер, Федор Сергеевич Булгаков останавливал Наташу и Лизу, произнося по-французски: «Здесь ребенок», хотя в те годы я уже была студенткой. Не знаю, когда тетя Лиза перешла из лютеранства в православие, но на Пасху мы с ней, с Натальей Михайловной и Федором Сергеевичем отправлялись в церковь Ильи Обыденного на Остоженке.

Елизавета Ивановна Таль умерла 30 мая 1964 года от инфаркта и похоронена на немецком (Введенском) кладбище в ограде участка, купленного еще в 1918 году Иваном Михайловичем Талем в связи со смертью его матери.

Наталья Михайловна прожила долгую жизнь — она скончалась в марте 2004 года в возрасте ста лет и шести месяцев. До войны работала в Румянцевской библиотеке, переименованной в Ленинскую. С военных лет и до выхода на пенсию — в библиотеке Академии наук библиографом. Составляла списки трудов ученых и работ о них, готовила их библиографии

к печати. Память о своем отце бережно хранила. Опекала Башкирский государственный художественный музей имени М. В. Нестерова, передавала туда его работы, личные вещи. Поддерживала связь с Третьяковской галереей, принимала участие в организации выставок отца. Ежегодно в день рождения Михаила Васильевича собирала у себя его друзей. Похоронив близких и сверстников, поддерживала дружеские отношения с детьми своих друзей и с их внуками. Молодым людям было интересно с этой пожилой женщиной, так как она до конца сохраняла жизнелюбие, искренний интерес к людям. По желанию Натальи Михайловны похоронили ее не на Новодевичьем кладбище, где покоятся родители, а на Ваганьковском, в могиле горячо любимого мужа Федора Сергеевича Булгакова. Отпевал Наталью Михайловну в храме Николая в Кузнецях его настоятель протоиерей Владимир Воробьев — сын Николая Воробьева, ставший, как и дед, священником.

Приношу сердечную благодарность Алексею Сергеевичу Давыдову за помощь в работе над статьёй.

*Фотографии из архива автора
и Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина
в Болшево*

Елена Викторовна Харитонова

«Звездный театр» столицы

Из собрания Центрального архива
электронных и аудиовизуальных
документов Москвы

К 80-летию Московского планетария

*Астрономическая площадка Московского планетария. 1955 год.
Авторы В. Мастюков, Н. Рахманов. 1-3168*

Вот уже нескольким поколениям москвичей хорошо знакомо это высокое круглое здание на Садово-Кудринской улице. Московский планетарий, решение о строительстве которого Моссовет принял в мае 1927 года, стал первым учреждением по пропаганде и популяризации естественнонаучных знаний в нашей стране. Здание, возведенное по проекту архитекторов М. О. Барша и М. И. Синявского, — один из самых запоминающихся памятников архитектуры авангарда. Высота его внешнего купола составляла 26 метров. По замыслу создателей, оно делилось на три яруса: нижний (подземный) занимали гардероб и технические помещения, второй — фойе, а в третьем находился зрительный зал, перекрытый подвесной полусферой. Строительство завершилось в рекордно короткие сроки, и 5 ноября 1929 года «звездный театр», как его тогда называли, начал работать.

Открытие планетария стало значительным явлением в культурной жизни Москвы. В прессе появились восторженные отклики. В. В. Маяковский отозвался на событие стихотворением «Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий» (1929), где есть такие строки:

*Войдешь
и слышишь
умный гуд
в лекционном зале.
Расселись зрители
и ждут,
чтоб небо показали.
Пришел
главнебзаведующий,
в делах
в небесных
сведущий.
Пришел,
нажал
и завертел
весь
миллион
небесных тел.*

«Главнебзаведующий» — так Маяковский назвал первого директора и одного из ведущих лекторов планетария, известного астронома, конструктора, популяризатора науки Константина Николаевича Шистовского (1899—1980). Свою научную деятельность он начал в Коммунистическом университете в Туле. Принимал участие во многих экспедициях, долгое время изучал район Курской магнитной аномалии, поднимался в воздух в кабине субстратостата. В августе 1928 года по кон-

курсу был назначен на должность директора планетария и принимал самое деятельное участие в ходе строительных работ. Однако талантливый изобретатель, кандидат физико-математических наук, Шистовский недолго пробыл на своем посту: через несколько лет его перевели на должность простого лектора — то ли как беспартийного, то ли по другим, не известным нам причинам. Тем не менее, за почти полвека Шистовский изобрел для планетария около 60 оригинальных аппаратов, прочитал тысячи лекций; большинство планетариев в Советском Союзе создавались при его непосредственном участии.

В первые годы работы планетария число посетителей составляло всего 20—30 тысяч человек в год. Штат сотрудников также был весьма скромным. Однако к середине 1930-х поток экскурсантов значительно возрос. Лекции проводились в Большом зале, вмещавшем 500 человек (позднее была оборудована физическая аудитория), а также на предприятиях, в организациях, учебных заведениях, клубах, домоуправлениях. К 1940 году при наличии 10 штатных и 10 внештатных лекторов планетарий ежегодно обслуживал до 400 тысяч человек, проводя свыше 1000 только выездных лекций¹.

В 1934 году при планетарии начал работу астрономический кружок для студентов и школьников. Ежегодно в нем занимались около 30 юных любителей астрономии (после войны их число увеличилось до 100). Наряду с занятиями кружковцы оказывали планетарию существенную помощь, работая

*В большой лекционной аудитории планетария.
1956 год. Автор Н. Максимов. 1-18628*

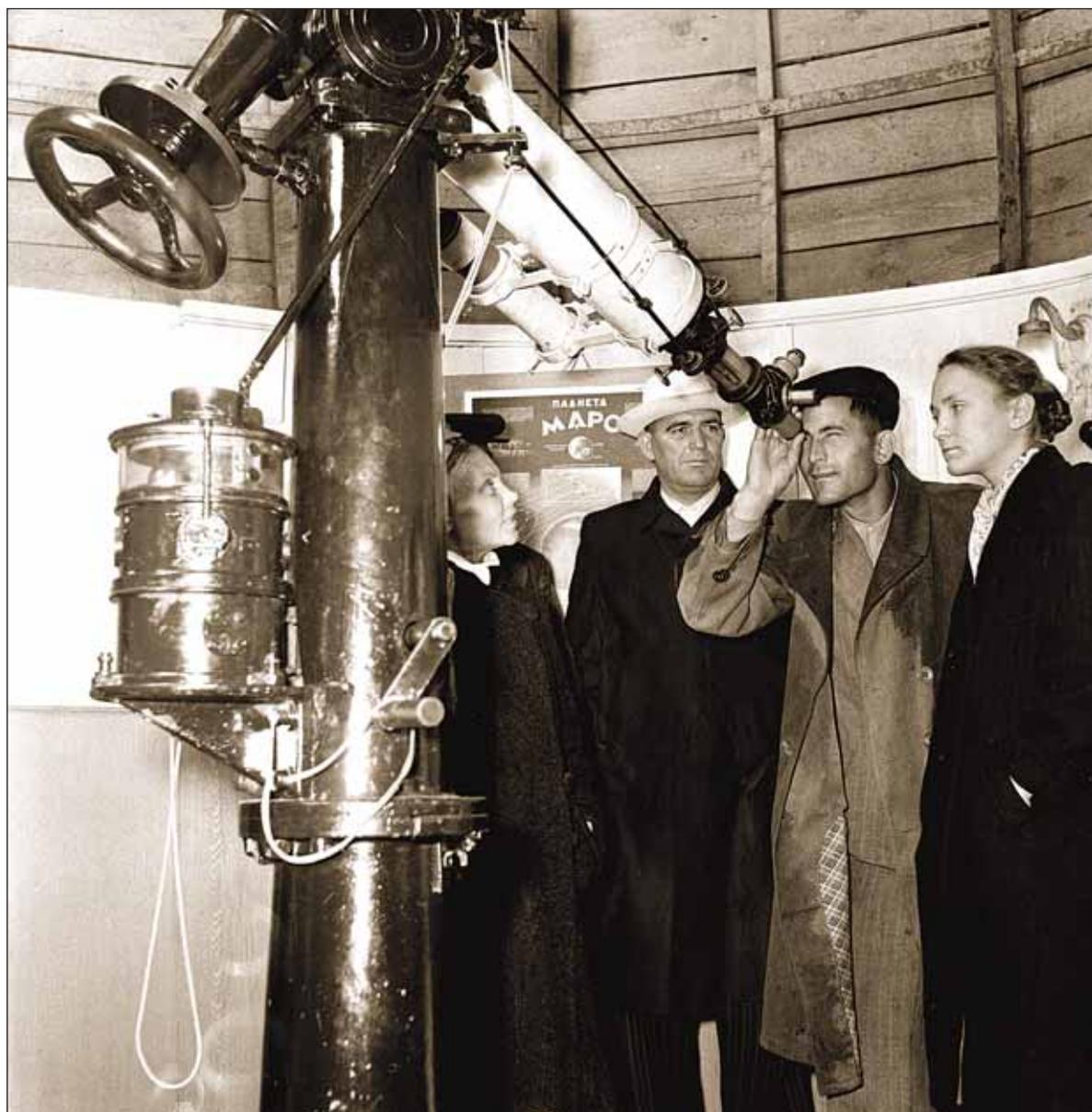
демонстраторами на астрономических пунктах в парках Москвы. Со временем планетарий стал одним из центров школьного астрономического образования.

В довоенный период проводился даже эксперимент по созданию специального «Звездного театра», в группу которого вошли актеры различных театров Москвы. С 1936 по 1940 год здесь поставили три пьесы: «Галилей», «Джордано Бруно» и «Коперник». Однако затея с театром себя не оправдала, и его пришлось закрыть как убыточный (хотя планетарий и являлся научно-просветительским учреждением, он находился на самоокупаемости, имея жесткий финансовый план).

В годы войны задачей планетария, помимо проведения обычных мероприятий, стало

проведение специальных лекций военного цикла для разведчиков и летчиков. Несмотря на тяготы военного времени, планетарий закрывался всего один раз на два месяца. Лекции проводились как в Большом зале, так и в госпиталях, подшефных воинских частях, аудиториях Горвоенкомата, агитпунктах ПВО и так далее.

В послевоенный период на территории планетария была организована астрономическая площадка, открыта обсерватория. С сентября 1947 до 1988 года по астроплощадке проводились регулярные экскурсии. На ней установили оригинальные наглядные пособия и измерительные приборы; в центральной ее части, оформленной в виде сквера, стояли четыре статуи — Галилей, Джордано Бруно, Копер-

*Посетители планетария наблюдают Марс
при помощи телескопа в дни великого противостояния Марса 7 сентября 1956 года.
Автор Б. Третов. 1-15921*

ник, Ломоносов. Большая заслуга в организации астроплощадки принадлежала научному сотруднику планетария Р. И. Цветову.

В конце 1940-х годов возобновили работу астропункты, расположенные в парках Москвы и на ВСХВ. Тогда же в «арсенале» планетария появился агитавтомобиль. Он использовался для транспортировки приборов, наглядных пособий, брошюр и прочего при проведении выездных лекций в пределах Москвы и Московской области. Астрономический кружок (позднее и кружок юных космонавтов) и астроплощадка были созданы во Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах в начале 1960-х, им также оказывалась методическая помощь сотрудниками планетария.

Печально известная кампания по борьбе с космополитизмом не обошла стороной и планетарий. На партийных собраниях жесткой критике подвергалось содержание лекций, основным недостатком которых называлось неоправданно частое упоминание имен иностранных ученых и замалчивание роли отечественных первооткрывателей. Указывалось и на увлечение лекторов отдельными личностями, например, Христофором Колумбом, лекции о путешествиях которого якобы слишком часто анонсировались на афишах планетария. Говорили о том, что «Колумб — авантюрист и работоторговец, но жил он в эпоху великих открытий. Необходимо рассказывать о Колумбе и разоблачать его сущность»².

*Слушатели на лекции «Энергия Солнца на службе человеку» в физической аудитории Московского планетария. 1956 год.
Автор М. Озерский. 1-17683*

В 1959 году планетарий из ведения Управления культуры Мосгорисполкома передали во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 года — Всесоюзное общество «Знание»). Это пере-подчинение не оказало существенного влияния на работу учреждения в целом. Тематика лекций, их содержание и количество остались прежними. Читались лекции по астрономии, физике и физической географии — в частности, такие: «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Строение Вселенной», «Небо и религиозные праздники», «Ленин и религия», «Человек, космос, бог», «Погода и ее предсказание», «Энергия атомного ядра и ее использование», «Вулканы и землетрясения». Были лекции как для взрослых, так и для детей;

отдельно читался школьный курс по астрономии.

Московский планетарий стал тринадцатым в мире, а к началу 1960-х годов на территории СССР работало 56 стационарных планетариев, причем власти всячески поощряли инициативу переоборудования под них закрытых церквей, мечетей, синагог.

За время своего существования Московский планетарий ремонтировался несколько раз. В 1940—1950 годах производились косметические ремонты. Ремонт 1975—1977 годов был капитальным, здание подверглось частичной реконструкции. Вместо старого планетарий-аппарата³ установили новый, изготовленный специально для Москвы на народном предприятии «Карл Цейс Йена»

*Посетители планетария слушают объяснения лектора.
1956 год. Автор М. Озерский. 1-27397*

*Лектор
Московского
планетария
В. К. Луцкий
дает пояснения
посетителям
у гравископа.
1956 год.
Автор Н. Максимов.
1-21477*

*Заведующий Народной
астрономической
обсерваторией на заводе
имени И. А. Лихачева
Н. К. Семакин беседует с экскурсантами.
1959 год. Автор Е. Семенов. 0-4321*

в ГДР. Это было устройство нового поколения с программным управлением.

В 1994 году планетарий закрылся на реконструкцию, которая фактически началась в 2002-м и продолжается до сих пор. Не вдаваясь здесь в подробности, которые достаточно широко обсуждаются в СМИ, скажем только, что связано это было прежде всего с переделом собственности: хаотично менялись владельцы планетария, появлялись идеи его перепрофилирования в развлекательное заведение или распродажи по частям; осуществиться этим планам помешало московское правительство.

За время реконструкции здание планетария стало выше на 6 метров, его площадь увеличилась в четыре раза — до 15 тысяч квадратных метров, но при этом оно сохранило свой исторический облик. Хочется надеяться, что в ближайшем будущем «звездный театр» вновь распахнет свои двери для москвичей и гостей столицы.

¹Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3065, оп. 1, д. 1, л.16.

²Там же. Ф. 83, оп. 1, д. 1299, л. 46.

³Планетарий-аппарат был сконструирован немецким инженером В. Бауэрсфельдом в 1924 г. Первую модель построили на оптическом заводе фирмы «Карл Цейс» в Германии. При помощи этого аппарата можно демонстрировать «искусственное небо» и различные явления, происходящие на нем: движение планет, полярные сияния и т. п.

АРХИВ

*В фойе Московского планетария. 1959 год.
Автор В. Шустов. 1-5403*

*Встреча берлинских школьников с членами Клуба юных космонавтов,
организованного при Московском планетарии.
1962 год. Автор Н. Алябин. 0-2513*

Заведующий астрономической обсерваторией Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах Р. Хотинюк проводит занятия с членами астрономического кружка. 1962 год. Автор В. Лагранж. 1-1522

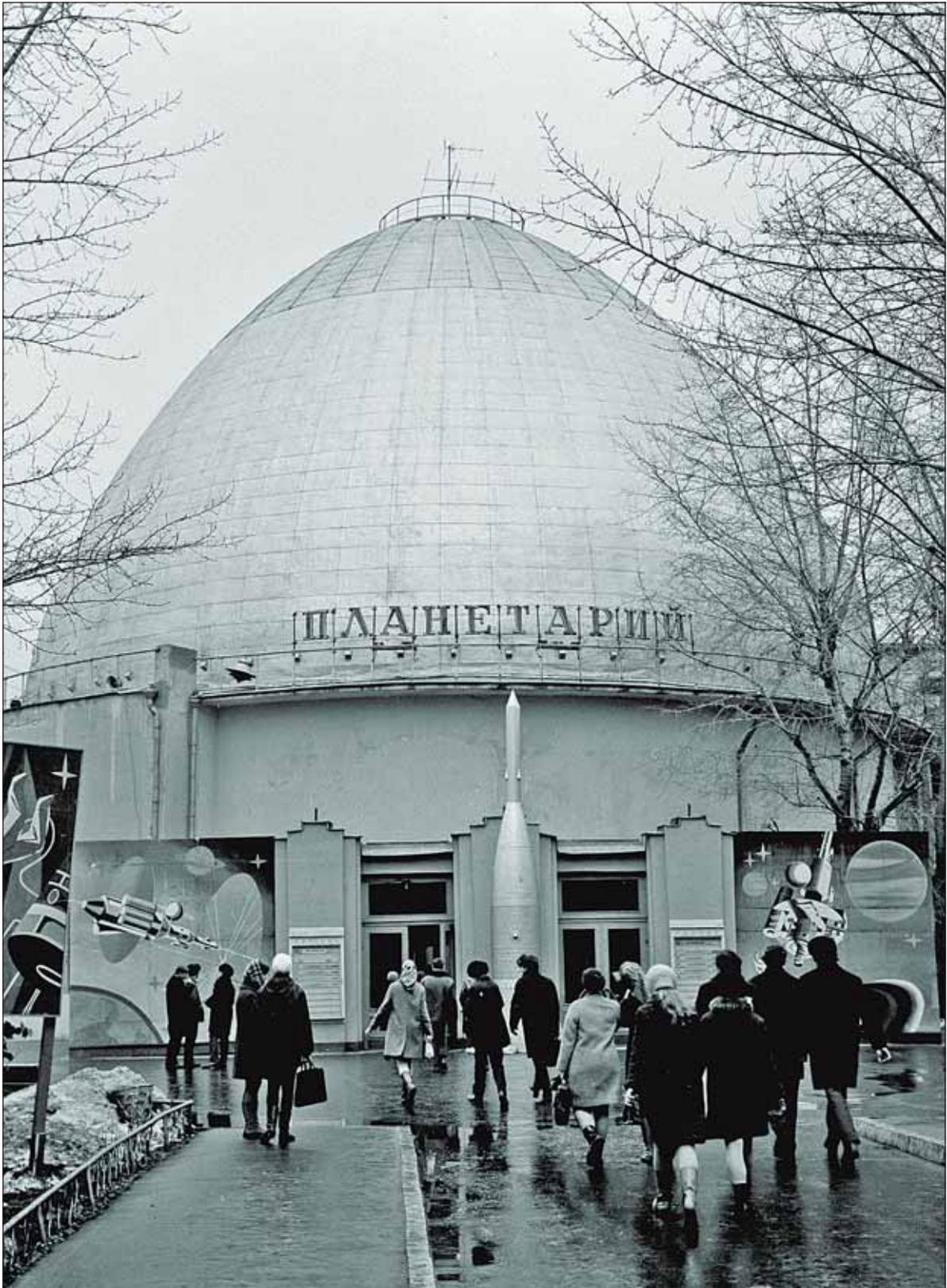
На астрономической площадке планетария. 1962 год. Автор В. Шандрин. 1-8835

АРХИВ

*Занятия на астрономической площадке Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах.
1964 год. Автор Л. Громов. 1-5094*

*Посетители Московского планетария осматривают глобус Луны.
1970 год. Автор В. Будан. 0-16342*

*Здание Московского планетария.
1970 год. Автор В. Мастюков. 1-10767*

*Андрей Феликсович Сафонкин,
Елизавета Андреевна Сафонкина*

За каменными печатями

О чем могут рассказать клейма на старинных кирпичях

Москва белокаменная... Каждый из нас слышал это выражение много раз и всегда перед глазами возникали образы белых церквей с золотящимися маковками куполов и величественные царские палаты. Город из камня...

Однако Москва долгие века была в основном деревянной. Из камня возводили лишь наиболее значимые объекты — крепостные стены и отдельные церкви. Строительство жилых каменных зданий было исключением. Так, летопись за 1471 год сообщала: «Того же лета Тарокан купец заложи себе полаты кирпичны во граде Москве, у градной стены, у Фроловских ворот». Возможно, это был первый каменный дом в городе. А. В. Иконников считал, что каменные сооружения в древней Москве символически воплощали библейский образ «вечного города», в недолговечности же деревянных построек выражалась бренность бытия.

Проходили века. Из-за частых пожаров Москва неоднократно почти полностью выгорала, и зодчие стали придавать важное значение каменному строительству как одному

из путей борьбы с пожарами. Это потребовало огромного количества рукотворного камня — кирпича. Так, согласно «Атласу промышленности Московской губернии» Л. Самойлова за 1843 год, только на территории Москвы имелось тогда десять кирпичных заводов. Существовали они, впрочем, и раньше.

В книге О. А. Иванова «Замоскворечье. Страницы истории» рассказывалось, что в 1676 году в «новых полевых сараях» (кирпичные заводы) за Калужскими воротами работало 176 человек «записных кирпичников». За год они изготовили 1760000 кирпичей. Однако в результате какого-то сбоя в Приказе Владимирской чети за работу им не доплатили, поэтому они обратились с челобитной к царю. В тот же день последовал царский указ о выдаче кирпичникам остальных денег.

Кирпичная кладка может осуществляться успешно лишь при условии стандартизации кирпича. В Европе, например, был кирпич английского (приблизительно 22,9 x 11,4 x 6,4 см) и немецкого (25 x 12 x 6 1/2 см) формата. Старинный русский формат измерялся в вершках — 6 x 3 x 11/2 (26,7 x 13,4 x 6,7 см). Американский формат — 8 1/4 x 4 x 2 дюйма (21 x 10 x 5 см). Вес обыкновенного кирпича — 8—10 фунтов (3,3 — 4,1 кг), употреблявшегося у нас английского огнеупорных сортов 8 фунтов, русского красного — 10 фунтов.

Кажется, что может быть индивидуально в безликом стандартном кирпиче? Однако заводчики кирпичного дела нашли способ обеспечить своей продукции известного рода неповторимость, украшая ее фирменными клеймами.

Кроме вышеупомянутых кирпичных заводов за Калужскими воротами, были еще заво-

**ЛЕТОПИСЬ ЗА 1471 ГОД СООБЩАЛА:
«ТОГО ЖЕ ЛЕТА ТАРОКАН КУПЕЦ
ЗАЛОЖИ СЕБЕ ПОЛАТЫ КИРПИЧНЫ
ВО ГРАДЕ МОСКВЕ, У ГРАДНОЙ СТЕНЫ,
У ФРОЛОВСКИХ ВОРОТ».
ВОЗМОЖНО, ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ
КАМЕННЫЙ ДОМ В ГОРОДЕ**

ды у Донского и Андреевского монастырей, а также в ближайшем Подмосковье: «Семеновское сельцо. 204 души, кирпичные заводы, дача, по Старо-Калужской дороге, 41/2 версты от Калужской заставы» (К. Нистрем). В начале XVIII века по правой стороне дороги близ Калужской заставы стояли царские полевые сараи, переданные затем обжигальщикам А. Андрееву и Л. Полутину, которые устроили здесь кирпичные заводы. Об этом может поведать клеймо «П» на кирпиче (рис.1). С течением времени производство кирпича здесь прекратилось, место заустело. Связано это было с тем, что в 1714 году Петр I запретил каменное строительство в России (кроме Петербурга). Запрещение было отменено только в 1741 году. Возможно, в те времена кирпич закупался за рубежом или его производством в России владели иностранцы (рис. 2).

Дальнейший рассказ мы поведем на примере Нескучного сада. С 1826 по 1843 год Николай I приобретает в Москве сначала имение Нескучное у князя Шаховского, затем расположенное неподалеку имение графини Орловой-Чесменской и, наконец, лежавшее

Рис. 1

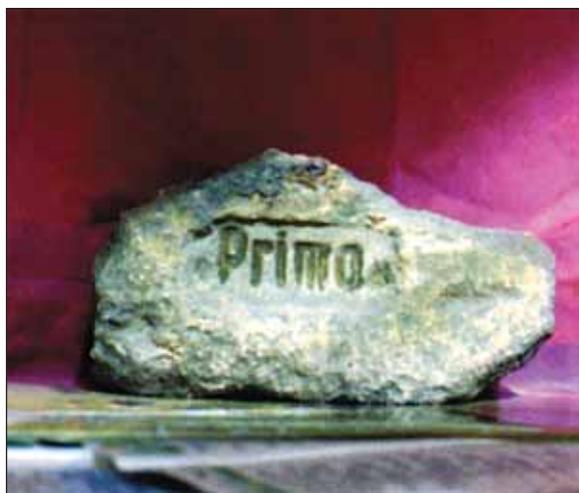

Рис. 2

между ними имение князей Голицыных и объединил их в одно, получившее название Александринского, или Нескучного сада. При благоустройстве сада для выравнивания дорожек и отливов использовали кирпич, оставшийся от прежних построек, а также закупался новый — с клеймом «Н. Я.» (рис. 3). Это — инициалы известного фабриканта, последнего владельца усадьбы «Черемушки», построившего вокруг нее кирпичные заводы, Н. Я. Якунчикова.

Рис. 3

ПРИ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ НЕСКУЧНОГО САДА ДЛЯ ВЫРАВНИВАНИЯ ДОРОЖЕК И ОТЛИВОВ ИСПОЛЬЗОВАЛИ КИРПИЧ, ОСТАВШИЙСЯ ОТ ПРЕЖНИХ ПОСТРОЕК, А ТАКЖЕ ЗАКУПАЛСЯ НОВЫЙ — С КЛЕЙМОМ «Н. Я.». ЭТО — ИНИЦИАЛЫ ИЗВЕСТНОГО ФАБРИКАНТА, ПОСЛЕДНЕГО ВЛАДЕЛЬЦА УСАДЬБЫ «ЧЕРЕМУШКИ», ПОСТРОИВШЕГО ВОКРУГ НЕЕ КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ, Н. Я. ЯКУНЧИКОВА.

Кроме этого, кирпичи брали на заводе Челнокова (рис. 4). В «Справочной книжке Московской губернии за 1890 год» читаем: «При деревне Шарাপовой кирпичный завод наследников Потомственного Почетного гражданина Василия Федоровича Челнокова, рабочих от 80 до 300, управляющий Александр Иванович Ленин, крестьянин Каргопольского уезда».

На откосах дорожек Нескучного сада можно найти кирпичи с клеймом «В. М. Немчинов». В той же справочной книжке сказано: «При

Рис. 4

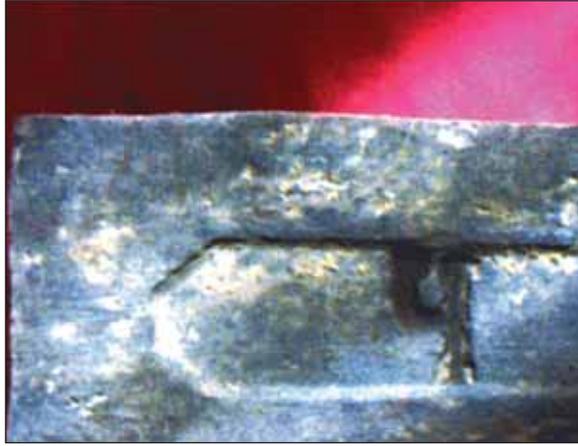

Рис. 5

В «СПРАВОЧНОЙ КНИЖКЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1890 ГОД» ЧИТАЕМ: «ПРИ ДЕРЕВНЕ ШАРАПОВОЙ КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД НАСЛЕДНИКОВ ПОТОМСТВЕННОГО ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВИЧА ЧЕЛНОКОВА, РАБОЧИХ ОТ 80 ДО 300, УПРАВЛЯЮЩИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЛЕНИН, КРЕСТЬЯНИН КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА».

деревне Ново-Ивановской кирпичный завод наследника действительного статского советника Михаила Ардалионовича Немчинова, рабочих 400, управляющий титулярный советник Василий Александрович Строганов». Ново-Ивановская была расположена около платформы «Немчинов пост» Московско-Брестской железной дороги.

Но есть и такие свидетельства: «Что касается потребности в огнеупорном кирпиче, то она восполняется в значительной мере заграничным привозом». С заводов Великобритании, Германии и Швеции в Россию поступало ежегодно 10—12 миллионов кирпичей, то есть почти половина от необходимого количества (рис. 5).

Многие клейма так и остаются неразгаданными (рис. 6)...

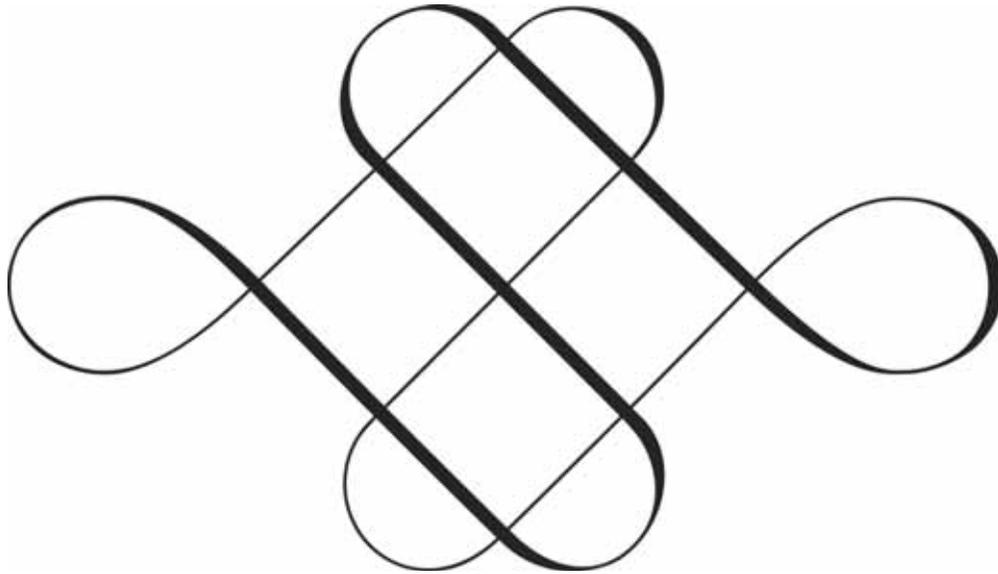
Рис. 6. Какие еще тайны откроет Нескучный сад?

БЫЛОЕ

Литература:

- Московский адрес-календарь за 1842 год. Ч. 1.
Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. М., 1843.
Нистрем К. Указатель селений и жителей, уездов Московской губернии. М., 1852.
Шрамченко А. П. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов). М., 1890.
Вебер К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дренажных труб, терракотовых изделий и прочего лицевого товара для архитектурного искусства. СПб., 1893.
Брокгауз, Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 15. СПб., 1895.
Александров Л. П., Некрасова В. Л. Нескучный сад и его растительность. М., 1923.
Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1958.
Иконников А. В. Каменная летопись Москвы. М., 1978.
Иванов О. А. Замоскворечье. Страницы истории. М., 2000.

ПОДПИСКА-2010 по Объединенному каталогу «Пресса России»

С октября 2009 г. во всех почтовых отделениях
проводится подписная кампания
на «Московский журнал.
История государства Российского»
по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие (январь - июнь) 2010 года.

Индекс 42158

Условия оформления подписки
(аннотация, стоимость)
вы найдете в I томе каталога (стр. 387)

СПРАШИВАЙТЕ НА ПОЧТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»!

Ирина Валентиновна Самсонова

Несколько почтовых открыток времен Первой мировой войны

Рассматривая старый семейный альбом

Высадка десанта

Фамилии этой семьи я по разным причинам называть здесь не буду, что в данном случае, впрочем, не столь уж и важно. В альбоме обращают на себя внимание почтовые открытки второй половины 1910-х годов со штампом «Действующая армия». Их присылал своей дочери-гимназистке в Москву, в Хлыновский тупик, офицер 5-го дивизиона 1-го полка осадной артиллерийской бригады крепости Брест-Литовск. Двадцать пять кратких писем на русском и французском языках. Каждое заканчивается словами: «Любящий тебя папа». В основном речь

здесь идет о вещах обыденных, но столь близких отцовскому сердцу: «Какой балл ты получила за четверть года?». «Как твои дела? Перешла ли совершенно свободно в 4-й класс?». «Вот уже 6-я неделя идет, как я уехал из Москвы, если удастся побывать еще до Пасхи, то, очевидно, больше до ноября или декабря не придется побывать дома, ибо летом никто не рассчитывает получить отпуск» (последнее уведомление датировано 29 марта 1916 года). Рассказывает он кое-что и о фронтовых буднях: «Солдатам привили противотуберкулезную вакцину, хотел сде-

*Высадка десанта.
Обстрел берега*

лать то же самое и себе, но потом отложил это намерение» (13 ноября 1915 года). «Из газеты, вероятно, уже знаешь, что Броды вновь заняты нашими, но теперь мы, к сожалению, далеко от этого пункта» (21 июня 1916 года). «Над нами снова появились аэропланы противника. <...> В стороне от нас (верстах в 8) уже два дня и 2 ночи идет непрерывный и сильный бой» (27 июля 1916 года).

Лишь последняя открытка, написанная карандашом 17 сентября 1917 года и отправленная из Смоленска, не имеет штампа «Действующая армия». Почему — понятно: той армии уже, по сути, не было...

Тематика адресованных дочери открыток — польских и немецких — «девичья», что

естественно: очаровательные женские головки, изображения прекрасных дам в роскошных нарядах. Однако есть в альбоме и открытки с изображением военных действий. Некоторые из них мы предлагаем вниманию читателей «Московского журнала». Они изданы «состоящим под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Скобелевским комитетом о раненых». Цветные фотографии прекрасно отретушированы и выглядят как живописные работы. На оборотной стороне каждой — цензурное «дозволение» от 5 марта 1916 года и красный штампель: «За свободу». Эти открытки — без писем; другие открытки данной серии — отрывные, с перфорацией — возможно,

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Бой с «Гебеном»

ТАКОЕ ВОТ НАПОМИНАНИЕ
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ —
ВОЙНЕ, О КОТОРОЙ У НАС СЕГОДНЯ
ГОВОРЯТ ОЧЕНЬ МАЛО И НЕОХОТНО...

отправлялись в ответ на полученные с фронта. Вот, например, такая — «Бой с «Гебеном». Надо думать, здесь запечатлен эпизод, о котором в Большом советском энциклопедическом словаре (1985) сказано: «Германский линейный крейсер «Гебен», прорвавшийся вместе с крейсером «Бреслау» в начале войны из Средиземного моря в Стамбул и вошедший в состав турецкого флота, в октябре 1914 года совершил пиратский налет на Севастополь до объявления Турцией войны России».

В альбоме имеется еще одна открытка времен Первой мировой — уже совершенно иного рода, хотя тема все та же. Она отпечатана в 1914 году в Москве Обществом борьбы с детской смертностью. Под трогательным рисунком (детишки на подоконнике, за окном — зима) — призыв: «Помогите детям — жертвам войны».

Такое вот напоминание о Первой мировой войне — войне, о которой у нас сегодня говорят очень мало и неохотно...

**«Помогите детям —
жертвам войны».**
Открытка Общества Борьбы
с детской смертностью

Надир Анварович Ширинский

«Гори, сияй, моя звезда!»

О видном русском оперном певце
Николае Константиновиче Печковском (1896–1966)

«В «Пиковой даме» я слышал у Печковского такую ноту, что не забуду ее никогда.

...Казарма. Герман во власти страшных воспоминаний. Он измучен своим больным воображением. Великолепный актер Печковский подготавливал зрителя всем предыдущим настроением сцены. Фразу: «Ах, если б мне забыть и заснуть» — он произносил на *mezzovoce* (вполголоса. — *Н. Ш.*) такой красоты и выразительности, что, пожалуй, так может «спеть» лишь виолончель, и то только под смычком великого мастера.

Вторично я был захвачен его Германом уже на сцене Большого театра. Шла сцена бала. Получив ключ от комнаты Лизы, Герман-Печковский, повинуясь какой-то внутренней торжествующей силе, вышел почти к суфлерской будке и спел заключительную фразу: «Теперь не я, сама судьба так хочет, я буду знать три карты». Он продержал слово «карты» на ля второй октавы дольше, чем положено, и наполнил его таким торжеством, таким упоением победой, что перекрыл звуком даже вступающую здесь медь. Все мы, кто сидел в артистической ложе, просто ахнули — впервые став свидетелями того, что в этой фразе певец «пробил» голосом оркестр... А ведь помогла этому не столько сила самих голосовых средств. Гораздо больше — сила перевоплощения артиста, его чувство, его собственная вера. Весь порыв души, напряжение нервов были вложены в этот звук, в эту ноту. В словах этой фразы на момент сконцентрировался для Германа весь смысл его жизни, его существования, и потому зал был потрясен. Сказать так невозможно, так можно только **спеть** (выделено мной. — *Н. Ш.*)».

*Николай Константинович Печковский.
Фотография 1920–1930-х годов*

Это пишет не просто любитель оперы, это пишет Сергей Яковлевич Лемешев в своей книге «Путь к искусству» (М., 1968).

Николай Константинович Печковский — коренной москвич. Сей факт, несомненно, удивит петербуржцев, ведь они привыкли считать Печковского своим. Тем не менее, на свет он появился в Москве, в семье горного инженера. С шести лет начал петь — в репертуаре у маленького Коли были русские народные песни, которые он слышал от домашней прислуги.

*Н. К. Печковский.
Фотография 1920-х годов*

**УВЛЕЧЕНИЕ ТЕАТРОМ ВЫРАЗИЛОСЬ
В ПОСТАНОВКАХ ДОМАШНИХ
СПЕКТАКЛЕЙ. НИКОЛАЙ СО СВОИМИ
ОДНОКАШНИКАМИ СТАВИЛ ПЬЕСЫ
И СОБСТВЕННОГО СОЧИНЕНИЯ,
И СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ,
ПРИЧЕМ ВЫСТУПАЛ И КАК РЕЖИССЕР,
И КАК ИСПОЛНИТЕЛЬ.**

В 1913 году Николай окончил одно из московских реальных училищ, но еще до этого успел попробовать себя и на драматической, и на музыкальной сценах — тяга к лицедейству проявилась у него очень рано. Характер мальчик имел решительный, прямой, за словом в карман никогда не лез, темпераментом природа наградила его горячим, если не сказать больше. Поэтому решения он всегда принимал сам и к цели шел уверенно. Увлечение театром выразилось в постановках домашних спектаклей. Николай со своими однокашниками ставил пьесы и собственного сочинения, и современных авторов, причем выступал и как режиссер, и как исполнитель.

В 1910 году Николай дебютировал на профессиональной драматической сцене. Тогда в Москве в Народном доме держала антрепризу г-жа Мелетинская. Ставились там и оперные, и драматические спектакли. В драме играли артисты Малого и Художественного театров. На одну сцену с Печковским выходили А. А. Остужев, О. О. Садовская, В. Н. Пашенная, А. А. Яблочкина.

В 1914 году, вскоре после начала войны, в Народном доме был объявлен концерт в пользу сирот и матерей воинов, погибших на передовой. Ожидалось участие артистов Малого театра и популярного польского певца И. Дыгаса. Дыгас заболел, и Мелетинская предложила Печковскому выступить вместо поляка. Николай не знал нот, но знал кое-что из тенорового репертуара. Дома на граммофон он часто ставил пластинки Александра Михайловича Давыдова — премьера петербургской Мариинской оперы. Так, по пластинкам, он выучил романс П. И. Чайковского «Ночь» и испанскую песню «Гордая прелесть осанки». Ни минуты не колеблясь, он согласился выйти на сцену. Неожиданно даже для самого себя, он в тот вечер имел большой успех.

После этого случая специально для молодого артиста в Народном доме начали ставить пьесы с пением. Однажды во время драматического спектакля Печковскому удалось дать целый сольный концерт: игралась пьеса одного из французских авторов, где Николаю досталась совсем небольшая роль — по ходу действия он должен был просто сидеть в кабачке и под гитару что-то напевать. На следующий же день его пригласили прослушаться в оперу. На прослушивании он исполнил арию Германа из «Пиковой дамы» П. И. Чайковского (выученную опять-таки по граммофонной пластинке) и все тот же романс «Ночь». Его приняли в оперную труппу сразу. Конечно, свою полную музыкальную безграмотность он предусмотрительно скрыл. Вскоре, однако, его призвали на военную службу и послали на фронт. Там он перенес контузию. Оправившись, в 1917 году пел в Гомеле на пересылочном пункте, где его оставил при себе один генерал — большой любитель вокала вообще и теноров в частности, пел 1 мая в Москве на Каланчевской площади под баян русские народные песни. А вскоре дебютировал и на профессиональной оперной сцене. Произошло это 22 апреля 1918 года в Народном доме.

Печковский никогда не работал над предложенной ему партией Синодала в опере А. Рубинштейна «Демон», он даже никогда ее не репетировал! Он... мечтал! Воображал

себе неприступные кавказские хребты, над которыми кружат орлы, мысленно представлял благородного грузинского князя Синодала. Не думал ни о вокальной, ни о сценической стороне роли, ему было достаточно знания мелодии и слов, а знал он их опять же по грамофонным пластинкам и выступлениям тенора Марка Дубровина, которого неоднократно слушал. Спел он на диво прекрасно, удостоился бури оваций и приглашения от дирекции Народного дома участвовать в постановке «Пиковой дамы» П. И. Чайковского. О роли Германа Печковский мечтал уже тогда. И не поверил своим ушам, когда ему предложили маленькую партию Чекалинского. Он публично, в присутствии всей труппы, разругался с начальством и хлопнул дверью. Последней фразой главного дирижера Народного дома М. М. Букши было: «Вам никогда не видать больше оперной сцены!». Печковский, как известно, не заставлял себя ждать с ответом: «Придет время, и вы еще спросите, какой мне нужен темп».

Ближайшие несколько лет Николай Константинович выступал в концертах Московского военного округа, принимал участие в программах театра миниатюр «Кривой Джимми», пел для частей Красной Армии на Северном Кавказе. Перенес холеру. Болезнь отразилась на его общем физическом состоянии и прежде всего на голосе: он не мог удерживать звук, голос изменился по высоте, потерял в тембре. Однако в октябре 1920 года Печковский случайно познакомился с генералом А. А. Брусиловым (генерал был одним из тех представителей русского офицерства, кто перешел на сторону Советской власти), рассказал о себе и спел несколько романсов. Голос нового знакомого так понравился генералу, что тот сразу же написал рекомендательное письмо А. В. Луначарскому. Нарком, в свою очередь, рекомендовал Печковского в Большой театр.

Времена тогда были такие, что можно было просто прийти в Большой и спеть директору (Е. К. Малиновская) и главному дирижеру (Н. С. Голованов) — а вдруг возьмут солистом без всякого музыкального образования, без знания нот, без сценического опыта, прямо с улицы? И ведь брали! Голоса остро требовались — ведь не все солисты Императорских театров приняли Советскую власть, многие уехали еще в 1917 году, и зарубежная пресса регулярно сообщала об их триумфах на лучших сценах мира!

Проба состоялась. Печковский исполнил свои любимые, коронные номера — две арии Германа из «Пиковой дамы» — «Прости, не-

— А КАКАЯ ЖЕ КОРОВА
ДОИТСЯ СЛИВКАМИ! ПОЛУЧИТЕ
МОЛОКО, А СДЕЛАТЬ СЛИВКИ —
ВАШЕ ДЕЛО!

— ВЫ ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЙ!
ПОКА Я ДИРЕКТОР, ВАМ НЕ ПЕТЬ
В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ! — ОТРЕЗАЛА
МАЛИНОВСКАЯ.

— БУДУ! — С ТОЙ ЖЕ РЕШИТЕЛЬНОСТЬЮ
ОТРЕЗАЛ ПЕЧКОВСКИЙ И, КАК УВИДИМ
ДАЛЕЕ, ОКАЗАЛСЯ ПРАВ.

бесное созданье» и «Что наша жизнь» — и арию Канио из оперы Леонкавалло «Паяцы». Как известно, Чайковский написал арию «Что наша жизнь» в тональности си-мажор, в спектаклях же обычно тенора поют ее на тон ниже, в ля-мажоре. Печковский так и сделал. Николай Семенович Голованов спросил, может ли певец осилить арию в ее «родной» тональности. «Не надо! — прошептал аккомпанировавший Печковскому пианист. — Он хочет «завалить» вас!». «Пожалуйста!» — с легкостью согласился Николай Константинович. И начал арию. Но, дойдя до верхнего си, понял: этот верх ему не взять. В итоге услышал:

— Вы нам не подходите. Нам нужны сливки!

Ответ Печковского, как всегда, был скор:

— А какая же корова доится сливками! Получите молоко, а сделать сливки — ваше дело!

— Вы из молодых, да ранний! Пока я директор, вам не петь в Большом театре! — отрезала Малиновская.

— Буду! — с той же решительностью отрезал Печковский и, как увидим далее, оказался прав.

Сидя после прослушивания в холле наедине со своими мыслями, Печковский вдруг услышал за спиной: «Вам бы надо ко мне в оперу!». Он обернулся: перед ним стоял высокого роста пожилой гражданин. Печковский только отмахнулся от нектати подошедшего доброжелателя.

Можно было еще попробовать в театр И. М. Лапицкого. Там, где сейчас в Москве находится Театр оперетты, в свое время был филиал Большого театра, а еще раньше располагалась московская Музыкальная драма. Руководил ею режиссер Иосиф Михайлович Лапицкий. В конце 1912 года в северной

Константин Сергеевич Станиславский

Маргарита Георгиевна Гукова

СОВСЕМ ПОТЕРЯННЫЙ, ОН ШЕЛ
ПО ЛЕОНТЬЕВСКОМУ ПЕРЕУЛКУ
К СЕБЕ ДОМОЙ, КАК ВДРУГ УСЛЫШАЛ
ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС: «Я ЖЕ ГОВОРИЛ,
ЧТО ВАМ НАДО КО МНЕ В ОПЕРУ!».
ПЕРЕД НИМ СТОЯЛ ТОТ САМЫЙ
ВЫСОКИЙ ПОЖИЛОЙ ГРАЖДАНИН.
«КТО ВЫ?» — «СТАНИСЛАВСКИЙ».

столице открылся новый театр — петербургский Театр музыкальной драмы. Коллектив подобрался молодой, труппа состояла из малоизвестных, но профессионально крепких артистов. Среди организаторов театра был и Лапицкий. В 1917 году почти весь основной состав петербургской Музыкальной драмы покинул Россию, и Лапицкий перебрался в Москву, чтобы продолжить начатое дело. Вот к этому-то режиссеру и отправился попытать счастья Печковский.

Как раз тогда Иосиф Михайлович ставил «Хованщину» М. П. Мусоргского и труппе не доставало тенора на роль Андрея Хованского. Причем требовался не просто голос, а еще и типаж определенного роста — своим творческим принципом Лапицкий провозгласил в первую очередь жизненную правду. Печков-

ский подходил идеально — за рост его и взяли. В течение театрального сезона он пропел эту партию семнадцать раз! Но и тут был отчислен из труппы... «за отсутствие вокальных данных»! Да, в тот период Николай Константинович еще не совсем оправился от болезни; вдобавок следствием фронтальной контузии стала глухота на одно ухо. Совсем потерянный, он шел по Леонтьевскому переулку к себе домой, как вдруг услышал знакомый голос: «Я же говорил, что вам надо ко мне в оперу!». Перед ним стоял тот самый высокий пожилой гражданин. «Кто Вы?» — «Станиславский».

В тот же вечер Николай Константинович переступил порог знаменитой оперной студии. Там среди прочих он встретил Л. В. Собинова, А. В. Нежданову и «завалившего» его на прослушивании в Большом театре Н. С. Голованова.

Шел 1921 год.

Первой партией, над которой Печковский начал работать в студии К. С. Станиславского, была партия Вертера в одноименной опере Ж. Массне. Роль далась нелегко — кропотливый ежедневный труд продолжался два года. Между тем надо было как-то зарабатывать на жизнь, да и свет не сошелся клином на одном Вертере. Приходилось часто выступать с концертами. Устраивал эти концерты известный артист Московского Художественного театра Михаил Чехов, с которым Николая Константиновича связывали дружеские отношения. В одном из концертов Печковский познакомился с будущим солистом Большого

театра Сергеем Ивановичем Мигаем. Мигай, когда-то студиец Станиславского, сразу же взял шефство над новым другом, неоднократно давал ценные профессиональные советы, а потом они много раз пели вместе в спектаклях. Драматическое искусство Печковскому помогал постигать Михаил Чехов.

А работа над Вертером под руководством Станиславского все продолжалась. Особые трудности создавала вокальная сторона роли. Печковский вокалу вообще практически не учился — до сих пор он пел просто по интуиции, не школой, а организмом! Технику вокала партии Вертера ему поставила Маргарита Георгиевна Гукова. Солистка Большого театра, она была первой исполнительницей партии Шарлотты на этой сцене и в свое время пела с Собиновым-Вертером. «Она сумела внушить мне веру в себя. Считаю, что из учителей пения больше всего обязан я Гуковой», — признавался Печковский.

В 1922 году Николай Константинович первый раз вышел на сцену в роли Вертера. «Спектакль прошел удовлетворительно», — это все, что он написал о том вечере в своих мемуарах.

Следующей партией, подготовленной артистом, была партия Ленского в опере П. И. Чай-

ковского «Евгений Онегин». Однако и здесь все оказалось далеко не просто. Музыкальная общественность того времени — и профессионалы, и любители — находилась под обаянием Ленского-Собинова. И волей-неволей Печковский напрашивался на сравнение. Дело в том, что голос Печковского по характеру, по тембру, по окраске совершенно отличался от голоса Собинова. Печковский имел драматический тенор большой силы, его стихией были трагедия, драма, большие чувства, пламенные страсти. Когда Николай Константинович только начинал свою карьеру, многие специалисты даже сомневались в том, что у него тенор — склонялись к тому, что это баритон. Положение исправил Станиславский, предложивший новый образ юного поэта — он должен был быть пылким, горячим, несдержанным в выражении своих чувств. Ведь, по Пушкину, Онегин и Ленский «сошлись, как лед и пламень». Лед — Онегин, а пламень — Ленский! И, объясняясь в любви Ольге, он должен кричать об этом на весь мир! Такая трактовка устраивала Печковского: «Я по природе тоже горячий, пылкий и несдержанный в своих порывах».

Н. К. Печковский в роли Вертера в опере Ж. Массне «Вертер». Фотография начала 1920-х годов

ПЕРВОЙ ПАРТИЕЙ, НАД КОТОРОЙ ПЕЧКОВСКИЙ НАЧАЛ РАБОТАТЬ В СТУДИИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО, БЫЛА ПАРТИЯ ВЕРТЕРА В ОДНОИМЕННОЙ ОПЕРЕ Ж. МАССНЕ. РОЛЬ ДАЛАСЬ НЕЛЕГКО — КРОПОТЛИВЫЙ ЕЖЕДНЕВНЫЙ ТРУД ПРОДОЛЖАЛСЯ ДВА ГОДА.

Как задумали, так и сделали. Вот одна из рецензий. Речь в ней идет, правда, о спектакле 1927 года. К этому моменту Николай Константинович — солист Ленинградской Академической оперы:

«Вчера в Мариинском театре состоялся торжественный спектакль оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», которым Академическая опера отметила 90-летие со дня смерти А. С. Пушкина. <...> Подлинным героем этого памятного спектакля был Н. К. Печковский, поэтично и вдохновенно исполнивший в нем роль Ленского, которому слушатели устроили восторженную овацию и преподнесли множество корзин с цветами». <...>

Леонид Витальевич Собинов

«У ТЕБЯ, КОЛЯ, ЛЕНСКИЙ В ДРУГОМ ПЛАНЕ», — ЧАСТО ГОВОРИЛ МОЛОДОМУ КОЛЛЕГЕ СОБИНОВ. ОН, КСТАТИ, ДЛЯ ПЕРВОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПЕЧКОВСКОГО В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВИЛ ЕМУ СВОЙ СЦЕНИЧЕСКИЙ ПАРИК, ЖИЛЕТ И ТУФЛИ, ДА ЕЩЕ ОТПРАВИЛ СВОЕГО КОСТЮМЕРА, ЧТОБЫ ТОТ СНАРЯДИЛ ПЕВЦА НА СЦЕНУ. ДРУЖБА ПЕЧКОВСКОГО С ЛЕОНИДОМ ВИТАЛЬЕВИЧЕМ СОБИНОВЫМ ПРОДОЛЖАЛАСЬ ДО САМОЙ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО ПЕВЦА.

Среди многочисленных именитых гостей этого спектакля был Л. В. Собинов, знаменитый исполнитель партии Ленского, создавший классический по своему совершенству образ юного поэта и выступающий в своей коронной роли до сих пор, постоянно вызывая восторг и восхищение слушателей. Пишущий

эти строки сидел в одной ложе с Л. В. Собиновым и, беседуя с ним в антракте, обратился с просьбой поделиться впечатлением об исполнителях спектакля. Разговор, естественно, в первую очередь коснулся исполнителя партии Ленского — Н. К. Печковского.

Леонид Витальевич сказал: «Печковский — очень талантливый артист, обладающий прекрасным голосом и удивительным даром перевоплощения. Несмотря на свою творческую молодость, его уже сейчас можно назвать вполне зрелым мастером. Ленский Печковского прекрасен и ярко индивидуален. Он не копирует моего Ленского, а трактует его по-своему, исходя из своих богатых творческих возможностей, создавая свой собственный рисунок роли, точно соответствующий замыслу Пушкина и Чайковского. Партию Ленского Печковский выучил под руководством К. С. Станиславского, в его студии, который скрупулезно проходил с ним все мизансцены этой роли. По просьбе Печковского ему был дан мною ряд советов в вопросе ведения вокальной линии образа» (Ю. Бродерсен. «Красная газета». 11 февраля 1927 года).

«У тебя, Коля, Ленский в другом плане», — часто говорил молодому коллеге Собинов. Он, кстати, для первого выступления Печковского в «Евгении Онегине» любезно предоставил ему свой сценический парик, жилет и туфли, да еще отправил своего костюмера, чтобы тот снарядил певца на сцену. Дружба Печковского с Леонидом Витальевичем Собиновым продолжалась до самой смерти великого певца.

Как мы увидим ниже, высшим творческим достижением Н. К. Печковского стало исполнение партии Германа в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». Интересно, что и Леонид Витальевич мечтал выступить в роли Германа. Как-то раз во время званого вечера гости уговорили Собинова исполнить что-нибудь из «Пиковой дамы». Печковский совершенно искренне выразил свой восторг и предложил Собинову спеть в этой роли на сцене театра. Умнейший и деликатнейший Леонид Витальевич заметил: «Коленька, пока я не услышал вас в партии Германа, эта мысль не раз приходила мне в голову. А теперь я думаю, что лучше я останусь Ленским, а вы — Германом».

Что же касается Германа-Печковского, то тут дело складывалось следующим образом. Николай Константинович явился на квартиру к главному дирижеру Большого театра В. И. Суку и вымолил у маэстро несколько минут для прослушивания. Вместо обещанных пяти минут, увлекшись, Вячеслав Иванович аккомпанировал Печковскому почти час. В итоге певец получил постоянный

пропуск в театр и официально начал работу над партией Германа. Параллельно Николай Константинович решил выступить на сцене Народного дома в «Пиковой даме», «Евгении Онегине» и «Кармен». Начались репетиции. И вот однажды во время спевки с дирижером тот участливо спросил: «Вам удобно вот так?». Печковский ответил: «А помните, в 1918 году я обещал вам, что вы еще спросите, какой мне нужен темп?». М. М. Букша — а это был он — остолбенел, а потом расхохотался: «Ну, молодец, значит, работал много!».

Эти три спектакля в московском Народном доме Николай Константинович спел с большим успехом и решил ненадолго отдохнуть в Одессе. В Одессе он планировал остановиться у знакомой певицы, которая должна была петь там с симфоническим оркестром Большого театра, но заболела и предложила Печковскому, раз он все равно едет, выступить вместо нее. Он выступил — и сразу же получил приглашение от дирекции Одесской оперы на десять спектаклей. Договорились на октябрь 1923 года.

В том же 1923 году на сцене Большого театра Николай Константинович впервые явил своего Германа. Неизвестно, ходил ли он к Е. К. Малиновской напомнить ей фразу: «Пока я директор, вам не петь в Большом

театре». Зная его характер, вполне можно предположить, что и ходил. Так или иначе, премьера состоялась: овации, цветы, крики «браво». Управляющий государственными академическими театрами РСФСР Иван Васильевич Экскузович заявил после спектакля: «Этого мальчика я заберу в Ленинград».

Итак, 23 апреля 1923 года Печковский дебютировал в Большом театре и официально стал его солистом. Далее была вышеупомянутая гастрольная поездка в Одессу, где Николай Константинович встретил свою будущую супругу Таисию Александровну — тогда студентку фортепианного отделения Одесской консерватории.

Между тем, пока Печковский пел на берегу Черного моря, из Большого театра его... уволили. Почему — неясно. То ли директор Малиновская никак не могла успокоиться, то ли нашлись какие-то другие причины. С другой стороны, Экскузович не уставал твердить про Ленинград. В конце концов договорились, что Печковский половину сезона будет петь в Москве, а половину — в Ленинграде. Здесь были даже свои преимущества! Он попадал в положение «гастролера», а «гастролер» — фигура уважаемая, это — твое имя крупными буквами на афише, повышенное внимание публики... В период с 1923 по 1931 год Николай Константинович приезжал в Москву на 16 спектаклей в каждом театральном сезоне. А в Ленинграде с осени 1924-го началась эпоха Печковского.

В 1924 году 28-летний Николай Печковский становится солистом Ленинградской Академической оперы (бывшего Мариинского театра, будущего театра оперы и балета имени С. М. Кирова). Возглавлял оперную труппу режиссер Василий Петрович Шкафер. Он был одним из первых профессиональных оперных режиссеров в России, в свое время много работал с Ф. И. Шаляпиным, его книга «Сорок лет на сцене русской оперы» — чрезвычайно интересное свидетельство эпохи. Василий Петрович сразу взял своего рода шефство над молодым солистом. Впоследствии Печковский неоднократно с благодарностью вспоминал Шкафера, отмечая его «большие практические знания особенностей оперной сцены». Это потом Николай Константинович стал владельцем роскошной ленинградской квартиры, а в 1924 году ему даже негде было жить. В. П. Шкафер устроил его у себя и по-отечески опекал и в быту, и на сцене.

Заканчивались репетиции «Пиковой дамы», которой открывался сезон 1924/25 года. Каждый из солистов, репетировавших

*Н. К. Печковский в роли Германа,
К. В. Кузнецова в роли Лизы в опере
«Пиковая дама» П. И. Чайковского.
Фотография 1920—1930-х годов*

*Лидия Яковлевна Липковская.
Фотография 1914—1915 годов*

оперу, из самых лучших побуждений показывал, рассказывал, указывал, приказывал Печковскому, что и как надо делать. Наконец, дойдя до сцены в казарме, которую Герман проводит один, новичок не сдержался: «Кроме меня, тут больше никто не поет. Так что я сам во всем разберусь!». И впервые применил необычный прием — снял напудренный офицерский парик. До него все Германы пели эту сцену в парике. Но в самом деле: зачем офицеру парик, когда он в одиночестве?!

Вторым спектаклем дебютанта была «Травиата», третьим — «Онегин». Они окончательно закрепили положение Николая Константиновича в труппе. Итог его первого ленинградского сезона подвел маститый театровед и музыкальный критик Эдуард Старк («Красная газета». 21 июня 1925 года):

«Мне особенно хочется выделить молодого певца, тенора — Н. К. Печковского, принятого в труппу Ак. оперы в прошедшем сезоне. Его имя не ново ленинградским любителям оперы. Два года назад артист гастролировал в спектаклях оперной студии п/р К. С. Станиславского и буквально покорила всех своим потрясающим исполнением партии Ленского и особенно Вертера. Обладатель богатого, подлинно драматического тенора исключительной силы и кра-

соты тембра, Н. К. Печковский является к тому же еще и прекрасным драматическим актером, что он убедительно доказал своим ярким и темпераментным исполнением партии Германа в опере «Пиковая дама» на сцене Ак. оперы. Овации, которыми встречает зрительный зал его Германа, убедительно свидетельствуют об огромном творческом достижении молодого артиста. Можно уже сейчас смело сказать, что Герман Печковского — явление исключительное в оперном искусстве».

Карьера Николая Константиновича Печковского развивалась стремительно, его творческая жизнь была наполненной до предела. За первые сезоны работы в театре он сделал очень много — подготовил и спел несколько новых оперных партий, в том числе Кавардосси в «Тоске» Дж. Пуччини, Ромео в «Ромео и Джульетте» Ш. Гуно, Хозе в «Кармен» Ж. Бизе, Канио в «Паяцах» Р. Леонкавалло, Синодала в «Демоне» А. Рубинштейна, Ричарда в «Бале-маскараде» Дж. Верди, несколько партий в операх современных западных композиторов.

В 1928 году для усовершенствования своего вокального мастерства Печковский с разрешения С. М. Кирова провел в Италии четыре месяца. В Милане у знаменитого маэстро Витторио Вандзо в разное время занимались выдающиеся российские певцы — Г. А. Бакланов, Д. А. Смирнов, П. И. Цесевич, Л. Я. Липковская, консультировался Ф. И. Шаляпин. Вандзо не работал с Николаем Константиновичем над техникой вокала, а по его просьбе проходил с ним отдельные отрывки из опер или целые оперные партии, в которых тенор чувствовал себя не очень уверенно. Именно в Милане у Печковского впервые зародилась мысль когда-нибудь спеть Отелло в опере Дж. Верди.

Быть в Милане и не посетить знаменитый театр Ла Скала? Николай Константинович, конечно, ходил туда неоднократно — и вот как он описал быт и нравы «оперной Мекки»:

«Во всех оперных спектаклях вокальное исполнение было на большой высоте, но постановки оставляли желать много лучшего. В частности, абсолютно отсутствовала игра солистов, а хористы обычно выступали без грима, с небритыми физиономиями. < ... > Солисты были на сцене самими собой, они не создавали образа, а лишь следили за звуком. Перед тем, как взять высокую ноту, они отходили на задний план и плевали. Затем брали (очень красиво!) эту ноту и, бережно передвигаясь по сцене, выносили ее на рампу. У меня эти манипуляции вызывали сначала

недоумение, а затем смех. Но местная публика находила, что так и должно быть!».

Наблюдение, заметим, весьма характерное для представителя русской оперной школы.

Возвращаясь из-за границы, Печковский заехал в Одессу — дал там концерт и оформил свои отношения с Таисией Александровной, официально вступив с ней в брак.

Несмотря на множество блистательно исполненных партий, пиком творческой карьеры Николая Константиновича Печковского, как уже говорилось, все-таки принято считать его Германа в «Пиковой даме» Чайковского.

Герман — мечта артиста с юности. Впервые он спел эту партию в 1921 году в клубе одного из московских заводов при участии группы меломанов-энтузиастов. Исполнялись только сольные номера и отдельные сцены, без хора. Все это было, конечно, несерьезно, но уж очень хотелось! Занимаясь в студии Станиславского, Печковский спрашивал у Константина Сергеевича, как лучше воплотить образ Германа. «А ты дай правдивый образ офицера Коли Печковского, — отвечал тот, помня, что Николай Константинович недавно вернулся с фронта. — Только перенеси его в другую эпоху, в екатерининские времена».

Так Печковский и сделал. Вот что писал о нем известный критик В. М. Богданов-Березовский в своей книге «Дороги искусств. Книга первая. 1903 — 1945» (Л., 1971):

*Н. К. Печковский в роли Германа
в опере «Пиковая дама» П. И. Чайковского.
Фотография 1920—1930-х годов*

ВСЯ СЦЕНА С ГРАФИНЕЙ, НАЧИНАЯ С ВОЗГЛАСА: «НЕ ПУГАЙТЕСЬ, РАДИ БОГА, НЕ ПУГАЙТЕСЬ!», <...> ИСПОЛНЯЕМАЯ СО МНОЖЕСТВОМ ФРАЗИРОВОЧНЫХ ОТТЕНКОВ, ОТ ПОЛУШЕПОТА ДО ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВСПЫШЕК, <...> ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ В ИСПОЛНЕНИИ ПЕЧКОВСКОГО <...> ОБРАЗЕЦ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЫ, РАСКРЫВАЕМОЙ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКИ».

«Он умел и **безмолвно сыграть** (выделено мной. — *Н. Ш.*) музыку, передать походкой, позой, взглядом ее содержание, что и делал при первом же выходе под монолог солирующей виолончели. <...>

Разумеется, венцом его трактовки роли было пение-игра в сцене в спальне Графини. То, как он входил в пустую мрачную комнату, осторожно озираясь; как, крадучись, двигался в ней под монотонное *pizzicato* контрабасов; как бросал реплику действия — «Так решено! Я выведу тайну у старухи!» — и отделенную от нее всего несколькими тактами контрастную ей реплику размышления и сомнения: «А если тайны нет? И это все пустой лишь бред моей больной души?»; как он произносил монолог у портрета, обозначая его кульминацию на словах: «Бежать хотел бы прочь, но нету силы! Пытливый взор не может оторваться от странного и чудного лица!» — совсем необычно, на приглушенной, вкрадчивой интонации, — все это вводило в атмосферу нависающей над основными героями оперы неотвратимой трагедии. От этого еще таинственнее, еще более зловеще звучали и хор приживалок, и сцена переодевания старухи, ее приготовления ко сну, производившие впечатление не обычных процедур будничного быта, а некоего ритуала, возвещающего веяние рока.

Вся сцена с Графиней, начиная с возгласа: «Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь!», через проникновенное ариозо «Если когда-нибудь знали вы чувство любви», исполняемое со множеством фразировочных оттенков, от полушепота до эмоциональных вспышек, и кончая исступленным повелительным окриком: «Старая ведьма! Так я же заставлю тебя отвечать!» — все это представляло

собой в исполнении Печковского <...> образец психологической драмы, раскрываемой средствами музыки».

Да, психология... Николай Константинович ездил на окраину Москвы в знаменитый «скорбный дом», называемый в народе «Канатчиковой дачей», и досконально изучил процесс «помешательства», чтобы воспроизвести его в роли Германа. Говорили, что на спектакли «Пиковой дамы» с участием первого исполнителя партии Германа Н. Н. Фигнера, как на учебные лекции, ходили петербургские психиатры. Едва ли не то же самое можно сказать и в отношении Печковского. Еще один показательный отзыв:

ГОВОРИЛИ, ЧТО НА СПЕКТАКЛИ
«ПИКОВОЙ ДАМЫ» С УЧАСТИЕМ
ПЕРВОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ ПАРТИИ
ГЕРМАНА Н. Н. ФИГНЕРА,
КАК НА УЧЕБНЫЕ ЛЕКЦИИ, ХОДИЛИ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПСИХИАТРЫ.
ЕДВА ЛИ НЕ ТО ЖЕ САМОЕ МОЖНО
СКАЗАТЬ И В ОТНОШЕНИИ
ПЕЧКОВСКОГО.

«Напряженно-нервная, совмещающая в себе лирический порыв и трагическую замкнутость, безумное беспокойство мысли и творческий, поэтический подъем — роль Германа во многом «пришлась вплотную» к актерским свойствам Печковского. <...> В согласии с Пушкиным и Чайковским Герман в исполнении Печковского — человек, «одержимый сильными страстями и огненным воображением». <...> Образ Германа, пораженного безумием, Печковский со страшной силой передает в сцене у Зимней канавки. Нарушенную психику Германа, потерявшего рассудок, артист отражает игрой, разорванной на ряд контрастных моментов, из которых каждый рельефно очерчен, сам в себе замкнут. <...> Его (Печковского. — *Н. Ш.*) исполнение <...> заставляет остро почувствовать, какое страшное опустошение произошло в сознании [Германа]» (П. И. Чайковский на сцене театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Л., 1954).

«Образ Германа, созданный Н. К. Печковским, — явление историческое. Можно смело сказать, что это и самое высшее достижение замечательного певца-актера. Печковский

*Н. К. Печковский в роли Отелло в опере Дж. Верди.
Фотография 1930-х годов*

в этой роли добился абсолютного, как мне кажется, слияния вокального и драматического начал с идеей образа. Перед нами был человек, обуреваемый разноречивыми, бурными страстями, которые приводят его к трагическому концу. Это было такое большое явление, что я не берусь его характеризовать. Герман Печковского, как и некоторые другие его образы (например, Вертер, Отелло, Хозе), требуют специального исследования», — писал С. Я. Лемешев в уже цитированной выше книге «Путь к искусству».

В 1933 году Николай Константинович начал работу еще над одной ролью — Отелло в одноименной опере Дж. Верди, которой, как мы помним, он «заразился» в Италии. Дважды в своей творческой биографии Печковскому удалось исполнить эту партию — в 1934 году он пел Отелло в спектакле Кировского театра в постановке режиссера В. Р. Рапопорта, а в 1939-м уже сам выступил в качестве режиссера-постановщика и исполнителя главной роли.

В 1933 году в Ленинграде гастролировал известный драматический актер Ваграм Папазян, замечательно игравший Отелло в трагедии Шекспира. После одного из спектаклей Николай Константинович прошел к актеру за кулисы, представился и попросил «поделиться опытом». Папазян с удовольствием

открыл коллеге несколько своих профессиональных секретов. Весь рисунок роли тогда, по признанию Печковского, он фактически взял у Папазяна.

Совершенно иначе было в авторской постановке самого певца — Николай Константинович скрупулезно разработал не только мизансцены, характеры героев, но приложил руку даже к тексту. «Если в других операх Верди мы привыкли наслаждаться музыкой, мелодией, вокалом, то в этом случае на передний план выходит музыкальная драма», — совершенно справедливо считал артист. Существовало классическое либретто, написанное итальянским композитором и поэтом Арриго Бойто. Итальянец переделал текст Шекспира, русские переделали текст итальянца уже «под себя», возникла путаница, в результате которой Яго, Родриго, да и сам Отелло не всегда понимали, о чем они, собственно, поют! Николай Константинович взял за основу оригинальный текст Шекспира в русском переводе А. Д. Радловой. В ряде сцен он просто положил эту русскую версию на музыку Верди. Получилось очень убедительно.

Печковский осуществил в спектакле несколько новаторских режиссерских решений. Так, в момент душевного смятения Отелло на сцене разыгрывалась буря, Отелло успокаивался — буря стихала. Во время всего действия на сцене было много солнца и света — ничто не предвещало трагедии, и тем угнетающе воздействовал на зрителя трагический финал. В одной из сцен тронный зал дворца перегородили занавесом из легкой ткани. При порывистых движениях Отелло занавес развевался, что символизировало мятущуюся душу главного героя. В тронном зале дворца, кроме трона и уходящей вдаль колоннады, больше не было ничего, и когда Отелло, покинутый придворными, бросался из угла в угол, создавалось впечатление тигра в клетке.

Приступая к работе над оперой, Николай Константинович посетил ленинградский Эрмитаж. Вместе с сотрудниками он нашел вероятный первоисточник, которым мог вдохновляться Шекспир при создании своей трагедии, — старинную французскую новеллу. Гравюры-иллюстрации к ней давали основания полагать, что Отелло мог происходить из племени бедуинов, то есть обладать не угольно-черной кожей, как часто гримировали исполнителей этой роли, а «шоколадной». И парик Печковский использовал не с мелкими «негритянскими» завитками, а заказал волосы, ложившиеся широкой волной. На гравюрах Отелло изображался верхом на коне в развевающемся плаще. И Печков-

ский на сцене был облачен в легкую ткань, как бы летящую вслед за ним.

Артистка О. А. Кашеварова, певшая в спектакле партию Дездемоны, вспоминала:

«Перед третьим актом оперы «Отелло» Николай Константинович уже за кулисами, перед выходом на сцену, настолько вживался в роль, что это был уже не он, а Отелло-ревнивец, подозревающий Дездемону в неверности. И со мной он говорил за кулисами уже не как с Кашеваровой, а как с Дездемоной. «Почему у тебя такие жесткие руки?» — спрашивал он меня с какой-то злобой. Сначала я была в недоумении, не понимая, за что он на меня сердится, даже обижалась на него. Но потом его настроение передавалось и мне, и это состояние очень помогало донести до зрителя образ Дездемоны во всей его глубине».

**В ПОСТАНОВКЕ «ОТЕЛЛО»
ПЕЧКОВСКИЙ ОСУЩЕСТВИЛ
НЕСКОЛЬКО НОВАТОРСКИХ
РЕЖИССЕРСКИХ РЕШЕНИЙ.
ТАК, В МОМЕНТ ДУШЕВНОГО СМЯТЕНИЯ
ОТЕЛЛО НА СЦЕНЕ РАЗЫГРЫВАЛАСЬ
БУРЯ, ОТЕЛЛО УСПОКАИВАЛСЯ — БУРЯ
СТИХАЛА. ВО ВРЕМЯ ВСЕГО ДЕЙСТВИЯ
НА СЦЕНЕ БЫЛО МНОГО СОЛНЦА
И СВЕТА — НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО
ТРАГЕДИИ, И ТЕМ УГНЕТАЮЩЕ
ВОЗДЕЙСТВОВАЛ НА ЗРИТЕЛЯ
ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ.**

«Если Печковского и нельзя назвать в полной мере воспитанником К. С. Станиславского, то влияние мхатовской школы на него несомненно. По его собственному признанию, оперная студия К. С. Станиславского, работа с Константином Сергеевичем и его ближайшими помощниками сыграли решающую роль в формировании творческой индивидуальности артиста. < ...> Только достижением полной зрелости крупного дарования Печковского можно объяснить большую одержанную им творческую победу. После Германа — Отелло наиболее яркая роль артиста», — так откликнулся на премьеру журнал «Искусство» (1939. № 7).

В апреле 1939 года в Москве проходила декада театров Ленинграда. Наряду с другими ленинградскими артистами Николай Константинович Печковский был отмечен правительственными наградами — удостоен звания народного артиста РСФСР и ордена Ленина. Было принято решение создать в Ленинграде филиал Государственного театра оперы и балета имени С. М. Кирова, а его художественным руководителем назначить Н. К. Печковского. В сезоне 1939/40 года филиал открылся в помещении Дома культуры Ленсовета. Здесь получили возможность проявить себя молодые талантливые артисты, сам Николай Константинович регулярно выходил на сцену как исполнитель главных партий, одновременно выступая в качестве режиссера. Однако с началом войны филиал ликвидировали.

Н. К. Печковский был кумиром ленинградцев. Вспоминает Р. И. Райкин — врач-фониатр, одно время наблюдавший Николая Константиновича:

«В доме на Лермонтовском проспекте в отличной квартире, обставленной только мебелью красного дерева, жили Н. К. Печковский, его жена Таисия Александровна и его мать Елизавета Тимофеевна. Таисия Александровна была женщиной с большим вкусом, и она являлась постоянной помощницей мужа в его творческой работе, так как была отличной пианисткой. С ней он разучивал партии и концертные программы. <...>

Прежде всего в жизни этого человека было искусство; сколько жарких споров и интересных разговоров мне довелось слышать, < ...> когда собирались Н. К. Печковский, профессура консерватории, С. И. Мигай и др. Все вокальные огрехи забывались, отходили на второй план в комплексе оперного творчества, всегда захватывал предельно выразительный образ героя, его достоверность, жизненная сила. Без этого единения как ученик К. С. Станиславского Печковский не мыслил оперного искусства. < ...>

Будучи очень загруженным профессиональной работой, Николай Константинович очень широко общался с ленинградцами, его можно было видеть на Кировском заводе в цехах, на комсомольских конференциях, слетах, сборах пионеров, он всегда тянулся к молодежи. Н. К. Печковский отзывался на все происходящее в стране».

Из записок певицы Н. Д. Болотиной:

«Все спектакли Печковского проходили с аншлагом: все билеты раскупались мгновенно, даже приставные стулья. В театре царил праздничное, приподнятое настроение. Успех был потрясающий. Аплодисментам, вызовам

Фотооткрытка 1930—1940-х годов

и крикам не было конца. Всегда подносили корзины с цветами, просто цветы и букеты бросались прямо с галерки, пока не разбили в оркестре какой-то инструмент, кажется, виолончель, и кому-то попали в голову. После этого дирекция строго-настрого запретила такие бурные проявления восторгов».

Но вот наступил 1941 год. Николай Константинович, как и многие советские артисты, выезжал на передовую с концертами, выступал перед солдатами, которым предстояло идти в бой, перед ранеными. Кировский театр между тем готовился к эвакуации. В августе фронт подходил уже вплотную к Ленинграду. Елизавета Тимофеевна, мать певца, жила в это время на даче в Карташевке, под Гатчиной. Она перенесла инфаркт и не вставала с постели. Регулярного сообщения между пригородом и Ленинградом уже не было, поезда ходили только по особому назначению. Возвратившись с очередного фронтового концерта, Николай Константинович получил от дирекции театра специальное разрешение на поездку в Карташевку, чтобы забрать Елизавету Тимофеевну и отправиться вместе с ней в эвакуацию. Машинисту спецпоезда приказали притормозить в Карташевке и высадить артиста. Печковский

прибыл на станцию в 17 часов и обратно выехать в тот же вечер не смог. А в пять утра поселок заняли немцы.

Положение было критическим: один с больной матерью, никаких продуктовых запасов, так как на дачу все привозилось по мере надобности из города, никаких теплых вещей — а ведь наступал декабрь. Мать с сыном голодали и замерзали. Надо было что-то предпринимать. Все, что умел Николай Константинович, — это петь. И он запел.

Первый его концерт состоялся в школе соседней деревни. В программе — русские народные песни. Аккомпанировать некому — пришлось петь без аккомпанемента. Слушателями были местные жители, гонораром — продукты: кто дал пару яиц, кто несколько картофелин, кто горбушку хлеба.

Немцы не препятствовали — похоже, они просто не знали, как с Печковским поступить. Николай Константинович не скрывал, что он народный артист, что оказался здесь случайно. В январе 1942 года он выступил в Гатчине перед согражданами, оказавшимися на оккупированной территории. В этот период немцы создали концертную организацию «Винетта», состоявшую из балетной и драматической трупп. Поклонники пристроили туда и Печковского. Он стал получать паек.

Слухами земля полнится. Весть о том, что любимец ленинградцев, народный артист и орденоносец Печковский поет у немцев, разнеслась молниеносно по обе стороны фронта. На советской стороне поговаривали о предательстве. На немецкой положение Печковского все более стабилизировалось. Сначала его пригласили выступить в Лугу, из Луги — во Псков, из Пскова — в Нарву, затем последовали Таллин и Рига. Но он и здесь проявлял свой независимый нрав: как-то раз настоял на концерте, который дал в бараках перед согнанными на работы местными жителями, в другом случае, увидев перед входом в зрительный зал плакат с надписью «Вход только для немцев», категорически отказался петь, пока плакат не снимут. Очевидцы вспоминали, что он делил свой паек с голодающими, спасал людей от тюрьмы, а иногда и от смерти. Помогал партизанам, чему есть документальные подтверждения.

В 1943 году под Таллином умерла Елизавета Тимофеевна. Певцу предложили подписать договор об официальной работе на немцев, о пропагандистских выступлениях по радио. Ни угрозы, ни посулы не помогли — Николай Константинович это предложение решительно отверг.

ПЕЧКОВСКИЙ И В ОККУПАЦИИ ПРОЯВЛЯЛ СВОЙ НЕЗАВИСИМЫЙ НАВ: КАК-ТО РАЗ НАСТОЯЛ НА КОНЦЕРТЕ, КОТОРЫЙ ДАЛ В БАРАКАХ ПЕРЕД СОГНАННЫМИ НА РАБОТЫ МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ, В ДРУГОМ СЛУЧАЕ, УВИДЕВ ПЕРЕД ВХОДОМ В ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ ПЛАКАТ С НАДПИСЬЮ «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ НЕМЦЕВ», КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗАЛСЯ ПЕТЬ, ПОКА ПЛАКАТ НЕ СНИМУТ. ОЧЕВИДЦЫ ВСПОМИНАЛИ, ЧТО ОН ДЕЛИЛ СВОЙ ПАЕК С ГОЛОДАЮЩИМИ, СПАСАЛ ЛЮДЕЙ ОТ ТЮРЬМЫ, А ИНОГДА И ОТ СМЕРТИ. ПОМОГАЛ ПАРТИЗАНАМ, ЧЕМУ ЕСТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

После выступлений в Риге его пригласила Венская опера. Петь главную партию в опере Вагнера «Лоэнгрин» на немецком языке Печковский не согласился, но два концерта в Вене для русских эмигрантов дал. После Вены последовала Прага. В Праге он пел Шумана и Шуберта, арии из итальянских опер и итальянские песни, а на «бис» — русские народные песни. Организаторы концерта считали, что безопаснее будет заявить их как болгарские народные. Болгарскими народными песнями оказались «Степь, да степь кругом», «Однозвучно гремит колокольчик», «Гори, гори, моя звезда», «Любовь разбойника». Все три концерта в Праге прошли при переполненных залах и с огромным успехом.

Приглашали Печковского и в Испанию, и в Англию. Но туда Николай Константинович не поехал, справедливо рассудив, что в Советском Союзе это уже будет воспринято как бегство.

15 октября 1944 года Н. К. Печковский, находясь в Риге, занятой советскими войсками, явился в контрразведку, назвал себя и выразил желание вернуться на Родину. Принявший его генерал посоветовал лететь не в Ленинград, где уже ходили об артисте самые неблагоприятные слухи, а в Москву. 22 октября Печковский прилетел в столицу и прямо с аэродрома попал

ПОЮЩАЯ РОССИЯ

*Н. К. Печковский в роли Ричарда в опере
«Бал-маскарад» Дж. Верди.
Фотография 1930-х годов*

*В роли Манрико
в опере «Трубадур» Дж. Верди
Фотография 1930-х годов*

«ВСЕ СПЕКТАКЛИ ПЕЧКОВСКОГО
ПРОХОДИЛИ С АНШЛАГОМ: ВСЕ БИЛЕТЫ
РАСКУПАЛИСЬ МГНОВЕННО,
ДАЖЕ ПРИСТАВНЫЕ СТУЛЬЯ. <...> УСПЕХ
БЫЛ ПОТРЯСАЮЩИЙ. АПЛОДИСМЕНТАМ,
ВЫЗОВАМ И КРИКАМ НЕ БЫЛО КОНЦА.
ВСЕГДА ПОДНОСИЛИ КОРЗИНЫ
С ЦВЕТАМИ, ПРОСТО ЦВЕТЫ И БУКЕТЫ
БРОСАЛИСЬ ПРЯМО С ГАЛЕРКИ».

*В роли Хозе
в опере «Кармен»
Ж. Бизе.
Фотография
1920—1930-х годов*

на Лубянку. Здесь он провел больше года, пока органы проверяли его связи с немцами. Официальная версия ареста — «за нахождение в оккупации в течение трех лет». Сам же Николай Константинович пишет следующее:

«Министр госбезопасности Абакумов, памятуя инцидент, происшедший между нами в 1934 году в городе Тифлисе, где в то время будущий министр, рядовой работник ОГПУ, был из-за меня (вел себя дерзко) посажен на гауптвахту на 8 суток, решил отплатить Печковскому десятью годами лишения свободы на основании решения Особого совещания, так как материала для предания меня суду не оказалось. Я лично об этом инциденте, конечно, забыл, но референт Абакумова напомнил мне, заявив, что у меня плохой характер, что я поссорился в Тифлисе с одним работником ОГПУ, который стал большим человеком, и моя судьба в его руках. Абакумов осудил меня на десять лет трудовых исправительных лагерей с отправкой на Дальний Север, в Заполярье, в поселок Инту (угольный район)».

Николай Константинович, прибыв в Инту в феврале 1946 года, слава Богу, не сошел с ума, не впал в отчаянье. Он пел! Долгое время его заключение в лагере напоминало скорее ссылку, так как он пользовался всеми благами вольного гражданина: жил за территорией зоны, мог свободно передвигаться. Создается впечатление, что и здесь власти не знали, что, собственно, делать с народным артистом Печковским.

В конце концов его назначили художественным руководителем лагерной самодеятельности. А руководить было чем: в лагере имелись свои духовой и симфонический оркестры, балетный, вокальный, драматический и эстрадный коллективы. Всего в самодеятельности занималось 100 человек — 75 заключенных и 25 вольных. Новому художнику нашлись и помощники — бывшая профессиональная балерина и бывший профессиональный дирижер.

С первых дней работа закипела — драматическая группа ставила комедию «Мой бэби», вокальная группа — музыкально-литературную композицию «Цыганские песни в лицах», основанную на стихах русских классиков и популярных русских и цыганских романсах и песнях. Постановкой «Моего бэби» занимался бывший популярный московский актер, декорации создавал выпускник Академии художеств. Инсценировку «Цыганских песен» написал сам Печковский, она шла в сопровождении симфонического оркестра. Николай Константинович вскоре поставил четвертый акт «Кармен» — причем не просто под рояль, а с оркестром, балетом и хором,

а также полностью всю оперу «Паяцы»! К годовщине со дня рождения А. С. Пушкина была подготовлена музыкально-литературная композиция, завершавшаяся финалом «Пиковой дамы» под симфонический оркестр. Естественно, главные роли в оперных отрывках исполнял сам Николай Константинович.

Из Инты Печковского перевели сначала в Кузбасс, потом еще несколько раз переводили в разные лагеря, пока он не оказался в Омске. Срок, данный ему, подходил к концу. 18 сентября 1954 года Николая Константиновича освободили — и в тот же день зачислили в Омскую филармонию в качестве солиста и режиссера. Он ездил по сибирским и уральским городам, пел концерты, выступал в оперных театрах. Почти везде были оставшиеся после эвакуации ленинградцы, все они хотели вновь увидеть своего любимца, создавали ажиотаж вокруг его имени, концертные залы и театры на его выступлениях ломались от наплыва публики. Но формально Печковский продолжал состоять на положении ссыльного — в каждом городе он должен был являться в местное отделение госбезопасности. Наконец во время очередного гастрольного тура в Омск пришло известие о реабилитации певца «за отсутствием состава преступления». В Ленинграде ему вернули квартиру, даже выдали компенсацию за пропавшие вещи, он снова стал народным артистом РСФСР и кавалером ордена Ленина. Извинились за ошибку, а в трудовой книжке написали: «С 1941 г. по 1956 г. находился в отпуске без сохранения содержания». Министерство культуры направило его на работу в Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова, Ленинградская филармония назначила даты его сольных концертов в Большом зале. Однако министерских рекомендаций оказалось недостаточно: в итоге в родной театр он не попал, концерты в филармонии тоже не состоялись. До 1957 года певец с успехом гастролировал по стране — Украина, Молдавия, Прибалтика, Сибирь, Крым, Кавказ. Потом возвратился в Ленинград, и здесь по распоряжению властей смог выступать только в Домах культуры и клубах — вне больших филармонических площадок. Выйти на сцену Кировского театра ему «деликатно» воспрепятствовали, предоставив статус почетного пенсионера. Работу предложили, соответственно, «пенсионерскую» — в самодеятельности. «Что же касается радио и телевидения, — с горечью писал певец в своих мемуарах, — то я оказался раз и навсегда изъятым из всех возможных передач. Как бы «живой труп».

Но работать с самодеятельностью Печковский согласился — в ленинградском ДК имени А. Д. Цюрупы он основал оперную студию

НА МОГИЛЕ НИКОЛАЯ
 КОНСТАНТИНОВИЧА ПЕЧКОВСКОГО
 НА ШУВАЛОВСКОМ КЛАДБИЩЕ
 В ПЕТЕРБУРГЕ УСТАНОВЛЕН БЮСТ
 И ВЫСЕЧЕНЫ СЛОВА ИЗВЕСТНОГО
 РОМАНСА, ЗАКАНЧИВАЮЩЕГОСЯ
 ТАК: «УМРУ ЛИ Я, ТЫ НАД
 МОГИЛОЮ ГОРИ, СИЯЙ, МОЯ ЗВЕЗДА!».

с вокальными классами. Силами студийцев на протяжении нескольких лет здесь были поставлены оперы «Кармен», «Пиковая дама», «Паяцы».

В 1966 году Николаю Константиновичу Печковскому исполнилось 70 лет. Тогда же он готовился отметить и 50 лет своей творческой деятельности. Однако официального чествования власти не разрешили, хотя С. Я. Лемешев писал в одном из частных писем: «Юбилей Николая Константиновича Печковского обязательно нужно, необходимо отпраздновать. Он наш замечательный, выдающийся певец и актер, любимец народа».

И все-таки праздника Печковского лишили. Он не выдержал, поехал в Министерство культуры и ультимативно потребовал, чтобы его снова отправили в лагерь и сообщили об этом во всех газетах. Под впечатлением такого демарша Министерство разрешило Печковскому устроить два юбилейных концерта — в Москве и в Ленинграде. В мае 1966 года свой сольный концерт в Ленинграде он пел уже будучи смертельно больным. Хоронили его только самые близкие друзья — отсутствовали официальные лица, не пришел никто от Кировского театра, звездой которого покойный был 17 лет. На могиле Николая Константиновича на Шуваловском кладбище в Петербурге установлен бюст и высечены слова известного русского романа, заканчивающегося так: «Умру ли я, ты над могилою гори, сияй, моя звезда!».

Кроме указанных в тексте источников, при работе над статьей использованы «Воспоминания оперного артиста» Н. К. Печковского (Л., 1992).

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
 ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
 КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
 ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
 Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
 E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

Михаил Николаевич Макаров

Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву

Записки путешественника,
прошедшего этой дорогой в 1820-х годах

От редакции

В № 4 и 7 «Московского журнала» за 2007 год читатели уже имели возможность познакомиться с трудами одного из первых собирателей русского фольклора Михаила Николаевича Макарова (1789–1847). Здесь мы публикуем выдержки из его «Журнала пешеходцев от Москвы до Ростова и обратно в Москву», изданного в 1830 году. Автор проделал путь, исхоженный за века многими московскими паломниками — от царей до простого люда, — и поделился с публикой своими впечатлениями, представляющими сегодня уже не столько краеведческий интерес (маршрут этот описан неоднократно), сколько «нравоизобразительный», являя собой, на наш взгляд, прежде всего весьма колоритный человеческий документ той эпохи.

Первого июня 182* года я и мой товарищ С. отправились из Москвы. Это случилось в три часа утра. Восходившее солнце предвещало день прекрасный! <...>

Мы были в поле, а воздух еще не радовал: тяжелый городской запах отражался здесь во всей силе. С. нюхал узелок с о-де-колонь; а я спасал себя пучком травы и цветов, сорванных при первом шаге на волю. По сторонам дороги тянулись длинные ряды пешеходцев, большей частью простолюдинов. Кареты, коляски и другие экипажи тащились или быстро неслись посередине. Нередко гордые каретные лица нас заставляли вооружаться лорнетами. <...>

Село Алексеевское. Во времена премудрого сына Михайлова, царя Алексея, оно было славно: оно было приютом отдохновения славной жизни царской. Тут текли дни ранней юности великого Петра; тут размышляла властолюбивая Софья! Здесь можно было видеть мать Петра, царицу Наталью Кирилловну, канцлера Матвеева, наблюдателей наших: Герберштейна, <...> Оллария, Маржерета¹. Мы, придерживаясь Карамзина с его пламенным воображением, мечтали видеть в одном из теремов царских еще юную, непривычную к пышной дворцовой жизни добродетельную Наталью — взор ее обращен к лесам; там за ними,

«По сторонам дороги тянулись длинные ряды пешеходцев, большей частью, простолюдинов. Кареты, коляски и другие экипажи тащились или быстро неслись посередине. Нередко гордые каретные лица нас заставляли вооружаться лорнетами...»

дремучими, на берегах Вожи, в стороне Рязанской, беззаботно текли былые дни ее. Там <...> еще помнят ее в хороводах веселых, а подруги независтливые, с детства, как сестры, к ней привыкшие, вспоминают о Наталье в дружеских посиделках. <...> Наталья царица!.. Но ни дворцов, ни теремов, ни даже развалин бань царских уже нет в Алексеевском! <...>

Ростокино мы прошли, не оглядываясь на Алексеевское. Мечты исторические не всегда бывают питательными. Впрочем, кто забудет усердную встречу, которую здесь сделал народ московский царю Иоанну, завоевателю Казани. Все пространство от города до Ростокинского моста (то есть на семь верст), как утверждает Карамзин, было занято радостными московскими жителями: какое множество усердных и радостных; но когда и где не так встречали своих владык русские? <...>

Леса, идущие по обе стороны большой дороги, осенили нас тенью. Я уснул на траве, а товарищ мой, лежа подле меня, сравнивал «Сады» Делилевы с переводом Воейкова². Задумчиво иногда поглядывал он в сторону села *Тайнинское*, перебирая листки в книжке, доискивался увеселительных садов Тайнинских³, но там теперь дикое место! <...>

Проходя *Малые Мытищи*⁴, мы видели водовод, проведенный из *Больших Мытищ* в Москву, богатую всем, но весьма бедною водою. Это одно из хозяйственных предложений Великой Екатерины. Говорят, что она любила во многом следовать примеру римлян, не жалевших ничего для пользы иметь в городах хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей. Стосажженный мост на каменных арках, которым идет водовод через низкую долину, — памятник генералу Бауэру⁵. <...>

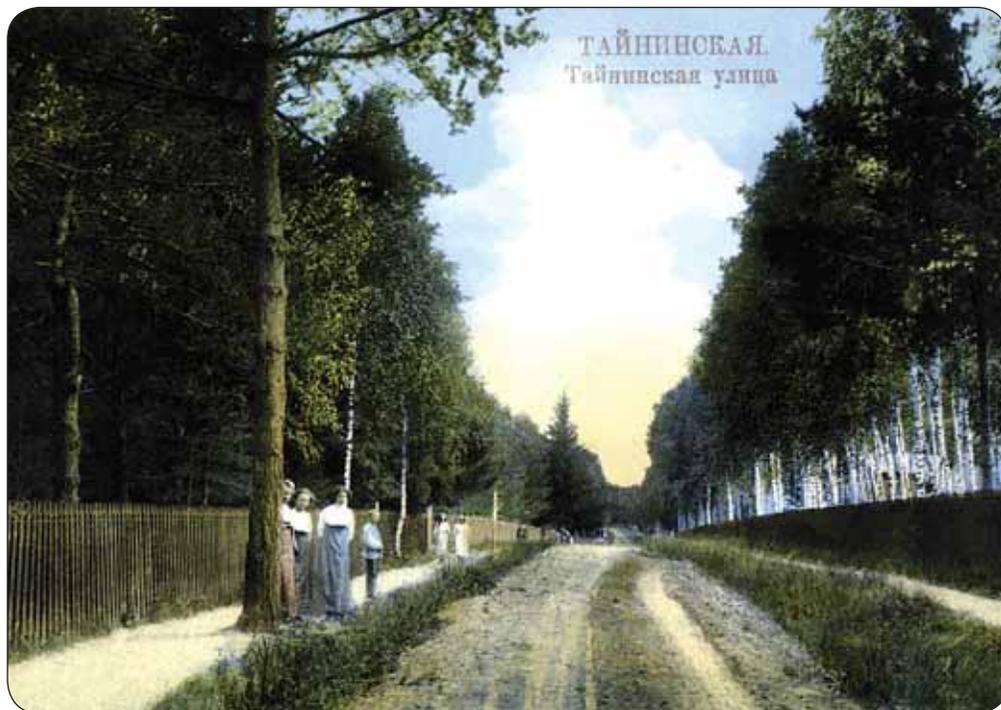
ПО РОССИИ

В стороне от дороги любопытно *Болшево* — убежище дряхлой беспомощной бедности. <...> В Болшевском убежище более трехсот семейств. Люди разного звания, рода и пола имеют для себя верный покойный приют⁶.

Пушкино получило своё название от пушкарей царских, оставшихся в слободе инвалидов, — они создали Пушкино. <...>

Братовщина примечательна рассказом о ней Карамзина и по народной сказке, сохраненной ее прежними жителями в предании. Вот эта сказка. Нелюбимые, теснимые отцом (по какой причине, не знаю), сыновья ушли из мест родных и поселились здесь, по берегам лесистой Скаубы, ближе к Москве, еще не белокаменной, не златомаковой (ибо это было очень, очень давно). Пустынники составили общину. <...> Братья жили очень дружно, стояли всегда и везде друг за друга, не делили между собою ни ложки, ни ложки. Там играли и свадьбы — не по богатству, а по нраву. <...> Вот с той поры село и прослыло Братовщиною.

Место старого дворца, место придворной церкви; развалины других строений, <...> начавших свое падение еще при царе Михаиле Федоровиче; наконец, Березовый (придворный же) сад, служивший к прохладному отдохновению царям во время путешествий на богомолье⁷, — все это прекрасные картины прошлого! <...> Императрица Елизавета Петровна во время путешествия к лавре тут останавливалась, любовалась нарядами подмосковными и как любительница, по заверению предания, наряжаться в русское платье, может быть, и сама меж сельских красавиц являлась в повязке. И если тогда бы видел ее Ломоносов, то, наверное, этому времени мы обязаны были бы рождением одной из торжественных од сего славного лирика. <...>

Село Тайнинское. Почтовая открытка 1910-х годов

Малые Мытищи. Почтовая открытка XIX века

Не доезжая *Рахманово*, в стороне от большой дороги вы увидите *Софрино*, село, принадлежащее славному в свое время графу Ягужинскому. Ныне им владеет графиня, а до Петра и при Петре Великом это была любимая (так говорят) собственная местность царевны Софии Алексеевны. Дом Ягужинских был дворцом ее. Вам укажут еще рощи, насаженные собственною ее рукою, ее любимый пруд, у которого она по вечерам слушала песни крестьян, и тогда же, может быть, в мечтах уже готовила себе трон Царства непобедимого. <...>

В селе Рахманово нас окропил небольшой дождик. По грязи шли мы до *Голыгино*. На мосту под горою новый наш товарищ, крестьянин, с ужасом рассказывал, что под мостом живет леший; что в редкую темную ночь не услышишь его стона, или хохота; что в старину леших было много; что нынче поизвелись они оттого, что многие люди походят на леших и проч.

Воздвиженское — место историческое. Здесь юные цари, Иоанн и Петр, с царевною Софиею жили несколько времени, боясь мнимого злоумышления Хованских. Князь сей фамилии Андрей Иванович и Милославский были тогда начальниками грозных стрельцов и поссорились друг с другом. Стрельцы взяли сторону первого, а Милославский, страшась их обыкновенного неистовства, уехал в деревню. Оттуда он написал к государям и царевне, что Хованский имеет злодейский умысел обагрить руки свои в крови царской, умертвить патриарха, всех главных бояр; что сын его всенародно хвалился свойством с королями Польскими и говорил, что он рожден царствовать, а не повиноваться; что отец хочет возвести его на трон России и проч.

— Какие сплетни! — вскричал С. — Это важный признак младенчества народного, оставшийся у нас еще и поныне между классом необразованных: у них клевета на ближнего еще почитается выскочкою ума!

— Какою-то молодецкою сказкою, знаком усердия, — говорил я.

Село Мытищи (Большие Мытищи). Почтовая открытка XIX века

— Усердия, — промолвил С., — но усердия рабского, полированного зверской подлостью азиатскою!

— Да, ты прав, — продолжил я, — и эта-то азиатская зверская подлость довела до того, что наш испуганный двор царский, немедленно скрывшись в монастыре⁸, оттуда уехал в Воздвиженское. Между тем от имени царей написали к князю Андрею Ивановичу, что по известным его заслугам и верности к трону государи желают советоваться с ним в некотором важном деле и требуют его к себе вместе с сыном. Сей боярин, ничего не подозревая (убедительное доказательство его невинности!) спешил к монархам; но царица велела еще на дороге взять под стражу отца и сына, сковать их и привести в Воздвиженское. Там без всякого следствия и суда эшафот ожидал несчастных. Старец Хованский со слезами просил бояра, чтобы они только выслушали его, но София не велела принимать никаких оправданий. Войско, собравшееся тогда вокруг монастыря Троицкого, единодушно требовало дозволения идти в Москву, чтобы истребить опасный корпус стрельцов и навсегда успокоить двор; но государи, или, лучше сказать, правительствующая царица не хотела того: правда погибла, а дерзкие мошенники были нужны для тайных замыслов властолюбивой.

В селе Воздвиженском есть предание, что Петр в юности своей искал у них безопасности. <...> По другому преданию, мой дед, сын близкого человека к Петру Великому, проезжая из своей переславльской деревни через Воздвиженское в Москву, нередко указывал на паперть старой церкви сельской; тут, говорил он, в темную позднюю пору злодей Милославский подговаривал царицу истребить род Хованского. И София, которая, как подозревал Голицын, оказывала милостивое внимание сыну Хованского — умному прекрасному молодцу, согласилась, наконец, истребить род Хованских! <...>

Шоссе близ Мытищ, Почтовая открытка начала 1900-х годов

*«Стосажженный мост на каменных арках, которым идет водовод через низкую долину,—
памятник генералу Бауэру».
Фотография начала 1900-х годов*

На горе Воздвиженской — может быть, поклонной, если только подобные горы существовали под Лаврою, Дмитрий Донской, решившись победить татар, идучи на совет к святому Сергию, отдыхал и молился о победе. Так нам рассказывают. Но на сем месте нет памятника Дмитрию, быть может, он молился там, где теперь — церковь.

В Воздвиженском жил поэт Шатров⁹, необыкновенный подражатель Псалмам Давидовым. Один только Державин мог с ним спорить в сем роде стихотворений. Мы осмотрели комнату, некогда занятую поэтом; два-три клочка бумаги, может быть, исписанные рукою самого Шатрова. На одном клочке есть начало стихов:

*Великая! Чья слава, яко гром,
Всю землю обтекла кругом,
И удивила царства мира!..*

Это песнь Екатерине II, где Шатров во многих местах неподражаем! Теперь он слеп и живет в Москве.

Рязанцы — последняя деревня по дороге от Москвы к Лавре. Она принадлежит, по словесному преданию, к числу жилищ переселенцев рязанских, вероятно, мещеряков. <...>

Троицкая лавра — место святое и один из важнейших памятников, принадлежащих началам средней нашей истории. Но кто не говорил о ней? От Карамзина до последнего компилятора выносок исторических все писали о Троицкой лавре. Писали о святости ее, спасающей христиан верующих; о государях, ей усердствовавших; о Греке Максиме, святом ученом муже; о келаре Авраамии Палицыне; о Годунове и его несчастливом семействе, погребенном сначала в монастыре Варсонофьевском и потом обретшем для себя могилу у стен лаврского Успенского собора. Сей государь, царь Иоанн, супруга Великого князя Иоанна Васильевича София (греческая княжна), Петр Великий, императрицы Анна, Елизавета, Екатерина II, митрополит Платон и другие оставили о себе тут память, нераздельную с прочими именитыми памятниками лавры. Все важно, все любопытно! <...>

Дорога от Троицы к *Ростову* гористее и лесистее московской; но многолюдство путешественников-богомольцев все еще в своей силе. Экипажи едут тихо или скачут; пешеходцы идут нога к ноге или спешат, запыхавшись: все вертится и туда, и сюда. Пестрота людей одна и та же, та самая, которая была и на Троицкой дороге.

За лаврою следует селение *Зубачево*, за ним — *Сватково*, почтовая перемена. <...>

В *Рогачеве* на небольшом прудке мы бегали за утками, за куличками; но пистолетные заряды наши летели на воздух. Ребята хохотали над нами, девушки указывали на нас с насмешкою. Старый стрелок рогачевский уверял, что мы никогда не будем добрыми стрелками.

— Утица — не девица, — примолвил он, — ряпец (рябчик) — не молодец; знай, как подсыпать пороха, знай, как взвести курок.

С правой стороны из леса скакала женщина, может быть, прекрасная; но она так быстро неслась на своем коне, что я никак не мог рассмотреть хорошенько лица ее. Перед нею шагах в двухстах бежал не на живот, а на смерть заяц; за ним

Село Пушкино. Почтовая открытка конца XIX века

— две или три собаки, вероятно, принадлежащие охотнице. Наконец, за нею тянулась стая других борзых и гончие собаки; при последних следовал галопом, может быть, муж ее или брат и до десятка псарей.

Женщина-охотница выкрикивала без памяти то «ату его», то «люлю-люлю», то «ого-го-го» и прочие термины, которых и мы не знали. Но заяц ушел, и скачущая с отчаянным видом, собрав все свои силы, удержала лошадь и повернула к товарищам.

Подходя к селению *Рёдриковы горы*, ныряешь с горы на гору, с пригорка на пригорок, точно по волнам моря. Ельник, почти непрерывно осеняющий обе стороны дороги, лужайки, выглядывающие кое-где из сей густоты, наконец, совершенно открытое место, представляющее село Корелы как бы на пьедестале, составленном из деревень *Дубны* и *Потанихи*. <...> В царствование Грозного, когда он жил в Александрове, благородный немецкий рыцарь Рёдерик томился в постыдном плену при дворе царском. Не было того труда, которым бы не определили изнурять рыцаря — презрение, насмешки, муки были уделом благородного. Но вдруг опричные, потерявшие доверие царское, оставили царя, бежали и вместе с собою взяли и спасли, может быть, от неминуемой смерти Рёдерика и других его товарищей. Леса дремучие укрыли их, а молодечество доставило им пищу и прибыль; ни конного, ни пешего они не щадили и вскоре навели ужас на всю сторону Александровскую. Рёдерик как знаток искусства воинского сделался начальником шайки удалых, устроил крепкий приют в горах лесистых. Товарищ его, опричник Замятня¹⁰, подкрепляя начальство независимых, шел и заметал все, что им попадалось. Ужасен был путь под Душицами — тут был притон, съезд разбойничий; тут они делили наживу, тут они всех душили! <...> Но Рёдерик вдруг раскаялся — помог царю против врага сильного, проливал кровь за царство Русское, и царь помиловал его и всех его товарищей! Впрочем,

Село Братовицина. Почтовая открытка конца XIX века

photo.pushkino.tv

*Софрино. Церковь Смоленской иконы Божией Матери.
Современная фотография*

никакие летописи ничего не говорят о Рёдерике.

В Потапихе нам рассказывали, что прихожане Корельской церкви (господа и крестьяне) долго собирались отстроить каменную церковь; они начали строить ее и не могли закончить, а потому храм Божий оставался неотделанным. Самые усердные из них горевали о том; но что делать — не было денег. Таким образом прошел год, другой, третий, и вдруг

являются два неизвестных старца — Израэль и Зосима; они принимают всевозможное попечение о храме, способствуют возродиться ревностнейшему усердию в самих прихожанах, достраивают церковь, отделяют, украшают и святят ее. Сии старцы были монахами монастыря Троице-Сергиева и достроили не одну Корельскую церковь: они единственно словом и пламенным усердием созиждали весьма многие храмы. Святые мужи!

Корелы своим началом, веря сказаниям, обязаны Столбовскому миру¹¹ — часть корельцев, поданных шведских, уже не определенных возвратиться в отечество или утаенных (в договоре), здесь оставлены и поселены.

*«На мосту, под горою, новый наш товарищ, крестьянин,
с ужасом рассказывал, что под мостом живёт леший;
что в редкую темную ночь не услышишь его стоны,
или хохота; что в старину леших было много; что нынче
поизвелись они оттого, что многие люди походят на леших»*

сей эпитет придается только одной невинной стыдливости. «А молодцам след ли быть стыдливыми!» — говорит одна из песен. <...> Песня «Вдоль по улице, вдоль по широкой» (как мне рассказывали) не принадлежит к временам весьма отдаленным — при царевне Софии Алексеевне, охотнице и до театральных зрелищ, и до хороводных песен, пели песни новые, пели «Сосенушку» и «Вдоль по улице», может быть, для царевны и для сенных ее сложенные нарочно.

Деревня *Новое*, или *Новоселки*, принадлежит князю В. А. Голицыну. Не доходя деревни, с левой стороны на возвышенности вы увидите его усадьбу, прекрасно устроенную, известную под именем Владимировославля. <...>

Далее вся эта сторона со времен непамятных носит название *Кийжилы*, или *Кижилы*. Первые ее поселенцы никому не памяты, но последние были большей частью разными дворцовыми служителями, получившими заслугами право на дворянство.

До *Тириброво* по лесной гористой и песчаной дороге сопровождала нас кавалерист-крестьянка. Лихо держалась она без седла на гнеденьком коньке и утешала нас разными оборотами своей удалой скачки.

Лисавы (почтовая перемена). Небольшая усталость, происшедшая от множества пройденных нами гор, горок и горочек, принадлежащих к известной великой плоской возвышенности и, может быть, считающих себя отраслью гор Валдайских, нас здесь остановила.

Перед нами распевал хор красных девушек, медленно тянувшихся хороводом. Хороводная песенка «Вдоль по улице, вдоль по широкой» время от времени подхватывалась голосами удалых лисавских ямщиков, также большей частью краснощеких, как и девушки с молодухками. Но ни молодухек, ни молодцов нельзя уже называть красными, ибо

Вдали мелькнуло славное озеро Плещеево и скрылось, еще раз мелькнуло — и опять мы его не видим. Дорога становится ровнее, леса остаются поодаль. В правой и левой стороне за Кийжилами, где кончаются трясины, мы старались усмотреть место городка *Берендеева* и городца *Вертязина*; но даль туманная поставляла нам преграды. Впрочем, и ближе виды прекрасны!

Подходя к *Переславлю-Залесскому*, там и сям видишь несколько часовен. Это древние памятники пламенной набожности царей Московских и великих князей Переславля-Залесского. У каждой из них при походе на врага и при возвращении с победой древние наши полководцы, встречаемые синклитом благочестивых служителей алтаря, певали: «Тебя, Бога, хвалим!» или смиренно просили при неожиданном нашествии грозных врагов о спасении в бедах и напастях. Каждая из этих часовен — памятник победам и благочестию!

На горе за Переславлем-Залесским по тракту Ростовскому все увенчивают возвышенные церкви и колокольни монастыря Никитского, а ближе к нам — монастыри Горицкий и Данилов.

Граф Хвостов¹² никогда не сомневался в глубокой древности начал сего города¹³. Он приводит себе в подкрепление не только Нестора, но даже и Иордана; а в исчислении первобытных переславльских жителей он же, кажется, первым намекает о берендеях¹⁴ и <...> утверждает это местными свидетельствами.

*В. Г. Шварц. Вешний поезд царицы на богомолье при царе Алексее Михайловиче.
Холст, масло. 1868 год*

Вид на Троице-Сергиеву лавру. Цветная литография. 1890-е годы

В день Покрова Пресвятой Богородицы Великий князь Василий Темный¹⁵, увлеченный из-под Суздаля в плен татарами, был освобожден и приведен в Переславль. При въезде в город встретили Василия мать, супруга, сыновья, народ. Это было, как говорят, на Владимирской дороге, священное место! Но в следующем 1446 году здесь же свой брат, князь русский (Димитрий Шемяка¹⁶) тирански лишил Василия зрения! Варварство, о котором история наша вспоминает со стыдом! Жена Василия, если верить народному рассказу, сама была приведена к осужденному на страдание и сама видела, как ему выкалывали глаза! Благочестивый епископ Рязанский Иона, которого Церковь прославила во святых как Златоуста своего времени, явился в Переславль и <...> убил стыдом Шемяку-варвара и освободил слепого Василия, бывшего в заточении.

Здесь многие пострадали: Великий князь Иван Васильевич III содержал в переславльских темницах Углицких князей Иоанна и Димитрия. Сии несчастные, подозреваемые в заговоре (вероятно, вымышленном людьми злонамеренными), неожиданно были схвачены в Угличе и, невзирая ни на сан, ни на юность и красоту их, были мучимы как подлые преступники и ввергнуты в скорбную темницу. Их отец, в то же время узник переславльский, князь Андрей, был братом Великому князю. <...> В 1544 году при Иоанне IV темницу князь-андрееву занял несчастный боярин Иван Кубенский со всем семейством. Мать Кубенского была княжною Углицкой и двоюродной теткой государю.

1468 год ознаменован в Переславле торжеством великим: чрезвычайный и полномочный посол польский Ян, или Иван, Писарь (Писарев) прибыл сюда

для утверждения союза и доброго согласия с Иоанном III, умом и силою становившимся уже для врагов наших страшным.

Здесь отдыхал Годунов с семейством на возвратном пути из Калязина. Здесь же лютый Отрепьев, истребляя весь род Годуновых, тирански задавил самого невинного из всей этой фамилии — доброго благородного Семена Годунова. Сей ужасный поступок был совершен, когда заблужденные фанатики присоединились к злодею и с ним вместе пошли на грабеж в Ростов. Они расхищали церковное богатство, не щадили даже святых мощей, ругались над царственным старцем митрополитом Филаретом¹⁷; жены и дочери священников, дворян и купцов были жертвою развращенных. <...>

Мудрая родительница Петра Великого Наталья Кирилловна, его сестра, сам Великий любили Переславль и живали здесь немалое время. Незабвенный Лефорт¹⁸, подавший царю способ к построению первенца из Российского флота, здесь же был пожалован генерал-адмиралом флота. В тот же день, первого мая 1691 года, основателем Российского флота был учрежден крестный ход на Клешино¹⁹ озеро. <...>

Переславльские сельди известны по всей России и даже в Европе. Иностранец Эрмсон, будучи в числе пленных 1812 года, проходя через Переславль, отведал сельдей переславльских и заметил (в изданных им записках), что если бы эти сельди приготавливались по-голландски (Эрмсон, кажется, был голландцем), тогда бы они вкусом своим могли превзойти даже и голландские сельди. «В морских сельдах, — присовокупил он, — нет той приятности, которой при

А. В. Кокорин. Лавра. Бумага, акварель. 1958 год

лучшем изготовлении должны бы отличаться сии озерные сельди; а в случае избытка сиих сельдей в России можно бы их менять». О, тогда бы лондонцы и парижане непременно требовали бы сельдей переславльских!

Никитский монастырь, так называемый от соборной огромной церкви во имя великомученика Никиты, построен в глубокой древности и едва ли не современен самому городу. Красивое местоположение монастыря напоминает нам о первом городище переславльском, которое, как заметил Ходаковский²⁰, не должно искать на нынешнем его месте низменном. Славяне любили места сторожевые. В монастыре под спудом, но в богатой серебряной раке почивают мощи преподобного Никиты Столпника. Великий князь Димитрий Иоаннович Донской особенно усердствовал в помощи монастырю Никитиному, сему князю в усердии последовали цари Иоанн Васильевич и Алексей Михайлович.

Святой Никита спасался в своем монастыре безвыходно на столпе, едва ли удобном, чтобы повернуться на ту или иную сторону. Святое, небесное терпение! Вам укажут и столп, и тяжелые железные вериги, носимые, для усмирения страстей житейских, праведником, бывшим некогда именитым сановником и принявшим смерть за святость жизни от собственных своих слуг. Это было во время междоусобий 1186 года.

Несколько древних часовен опять встречаются нам за Переславлем.

Мы шли не одни: еще рязанский купец, жена коломенского ямщика и пожилая московская барыня с двумя хорошенькими внучками. Нас сопровождала тяжелая дорожная карета с чемоданами, с прислужницами, узелками и проч., а за нею — бричка с господскою кухней и необходимыми дорожными припасами.

*«Почтовая перемена» (М. В. Добужинский. Провинция 1830-х годов.
Смешанная техника. 1907–1909 годы)*

А. С. Степанов. *Хоровод*.
Холст, масло. Конец XIX – начало XX века

Селение с именем *Погост*, в котором мы назначили себе отдых, по обыкновению, обратило на себя особое внимание С. Он с жаром толковал мне, что погосты и погостища коренное достояние славянское. Люди, отводившие особенные места для усопших, езжали туда совершать свою тризну по кости, плакали там по костям умерших. Оттого и произошло слово покост, переименовавшееся впоследствии на погост.

— Полно, так ли? — воскликнул купец. — У нас по Рязани, и особенно по Мещоре, очень много погостов. Но там речь идет о другом. Старики говорят, что в прежние годы храмов Божиих еще было немного и что будто бы на людях ставить храмы святые, при грехах человеческих, считалось неприличным; да и священству жить в миру соблазнительно. Тогда народ еще был дикарь-дикарем, оттого-то святые храмы и сооружали поодаль от жилья. Туда жители-христиане съезжались на богомолье, погостить. У нас на Мещоре очень много таких погостов, где, кроме священства и причта, нет других жителей. Туда ездят погостить все дальние прихожане церкви.

— Надо также заметить, — сказал я, — что все погосты располагались большей частью в местах лесистых; что их приходы весьма велики и что прихожане ездят туда именно погостить: ибо очень часто случается, что прихожанин живет от погоста верст за двадцать и далее. В степных местах нет погостов.

Село *Любилки*, принадлежащее помещице Наляяновой, имеет восхитительное месторасположение. С его пьедестала — крутой, высокой горы — уже виден

А. В. Кокорин. *Переславль-Залесский. Горицкий монастырь.*
Бумага, акварель. 1958 год

Ростов, ближе усматриваешь несколько каменных зданий бедного городка *Петровска* и множество сел и деревень, рассеянных там и сям по берегам древнего озера Неро.

Огородничество тут — главное занятие приозерных жителей. На маленьком клочке у них растет и цветет то, чего владелец и самой тучной степной десятины не взрастит никогда! Московское Земледельческое общество уже обращает к себе внимание некоторых ростовцев-огородников, но они все еще чего-то робеют. Наши крестьяне вообще за все новое принимаются весьма неохотно.

Последнее селение по дороге к Ростову называется *Песочное*.

— Почти при каждом из наших древних городов есть Песочное, — заметил С.

— Только при тех, — сказал я, — где есть изобилие песка в воде или в лесу; при многих городах нет Песочных. Впрочем, и это название — вывеска славянская! В Галиции, под Киевом, под Рязанью, около Арзамаса, Владимира, Муром, в самой Москве (в древнем ее предместье) и проч. всегда найдешь Песочное, и странно то, что почти все эти Песочные везде на равном, одном и том же расстоянии от городов и рек. Московские Пески (нынешние Спас и Никола на Песках) равняются расстоянием от Кремля с рязанским (ближним к Рязани) Песочным, и так далее.

Ростов расположен на берегу древнего озера Неро, середину города рассекает река. В речной воде ловят особенно вкусную рыбу, но в крайних речных и озерных водах рыба дурна, пахнет тиной. Ростовское озеро — сытная пища для романтиков, но зато далеко отстало в чистоте своей от Переславль-Залесского, или Плещеева, озера.

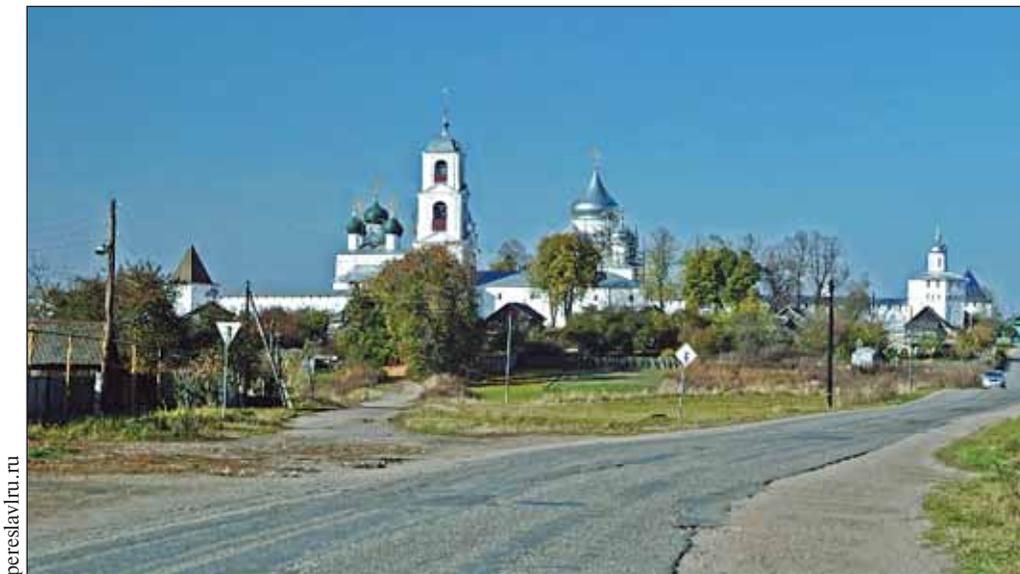
Самое торжественное, самое богатое здание в Ростове — это монастырь преподобного Иакова²¹, расположенный на берегу озера и хранящий чудотворные мощи митрополита Димитрия²², отличительного в своей жизни необыкновенной ученостью, глубокомыслием. Его святая жизнь и, наконец, его первенство славы в числе духовных писателей поставили его и как литератора в один ряд с богоугодным Нестором-летописцем. Мощи Димитрия обретены в 1752 году.

Имя Ростова принадлежит, как и название Переславль-Залесского, к временам непамятным, слишком темным. Рюрик еще не знал России, но Ростов уже существовал, говорят некоторые смелые хранители наших изустных, вероятных и маловероятных преданий. Здесь жили меря — народ менее дикий, чем другие народы; ибо эта меря, как мы видим, имела уже свое понятие о построении городов, об обществе и, что всего ближе к истине, о торговле. Летописец ручается за существование Ростова в IX веке и говорит о некотором просвещении меря перед другими народами (История государства Российского. т. I). Меря, продолжает предание, была управляема собственными князьями. Но кто, откуда и какие были эти князья — неизвестно. Язык мери — нечто особенное от языка славяно-русского. В языке ростовцев, костромичей, ярославцев (как мы замечаем) есть много слов, которые ни в каком отношении не принадлежат ни нашему, ни татарскому языку. <...>

Историограф Карамзин соглашается оставить при мере финское происхождение. Все это вероятно, но варяг Рюрик овладел мерью не в одно время с другими

*А. В. Кокорин. Переславль-Залесский. На Трубеже .
Бумага, акварель. 1958 год*

pereslavl.ru

В окрестностях Переславля-Залесского. Современная фотография

покорившимися ему добровольно финскими народами; а потому, может быть, меря и мурома — не совсем финны. Да и что такое Рюрик-то? <...> Но кто бы он ни был, <...> он взял и отдал Ростов во владение своему брату (тоже весьма сомнительному) Синаву, Синеусу (Сидеунасу), князю Белозерскому. Темный Сидеунас вскоре умер, и Ростов попал под управление Рюриковых тиунов. В истории забылись все имена сиих последних; но одна крестьянская сказка еще напоминает нам некоего богатыря, боярина-удальца, чернокнижника-скворца и почти князя Воймига, жившего в Ростове вместе с другим наместником князьим Путарою. <...> Дело довольно сказочное, когда тут же замешаем, как и следует, Бабу-Ягу, потом Ивана-царевича... Но иногда подумаешь: и в самом деле, этот Воймига не был ли из числа ростовских тиунов? Суздальская речка Воймига, одноименная с боярином-удальцом, не так далеко течет от Ростова. <...>

В 987 году святой Владимир отдал Ростов сыну своему Ярославу, но Ярослав вскоре перешел владеть Ново-городом. Ростов же предоставил он своему брату Борису, убитому впоследствии Ярополком. Угрызение совести, непрестанно сопутствуемое раскаянием в смелом и варварском убийстве брата, ускорило смерть кровожадного Ярополка, и Ростов поступил в общую область Всероссийскую под единое державие того самого Ярослава, которому «Правда» доставила славы гораздо более, нежели его завоевания.

Первым епископом в Ростове был Феодор, поставленный при князе Владимире вскоре после 992 года митрополитом Леонтием.

Ссора, а потом жестокая война Ярослава со Мстиславом, родным братом, князем Тмутараканским, ослабила его совершенно, и Россия должна была делиться на две равные половины; в одну из оных, то есть в часть Ярослава, вошел и Ростов.

Первую каменную соборную церковь в Ростове построил князь Андрей Боголюбский. <...> Пришествие монголов в Россию погубило и Ростов — тогда здесь осталось чистое гладкое поле. На Московском пути к Ростову тогда же, — продолжают летописцы, — дивил своей храбростью Ростовский князь

Василий Константинович²³; он, окруженный отовсюду оружием и пламенем неприятельским, не переставал сражаться с необыкновенною твердостью духа и был взят в плен с мечом в руках. Монголы, завидуя князю как герою, предлагали ему свое братство и свою веру поганскую (как выражались его современники). «Не изменю вере во Христа. Он — единственный Господь Бог наш!» — восклицал царственный ратник и за святую веру в истинного Бога был умерщвлен тиранами. Гордые монголы тогда еще в первый раз узнали, как опасно сражаться с непоколебимою рукою князей Российских! Отвага Василия Константиновича через три года послужила примером храбрости Александру Невскому, а через полтора столетия родила нам Донского, победителя Мамаева. <...>

Землетрясение 1230 года, начавшееся с Ново-города, причинило много вреда и Ростову. Озера и реки тогда исчезали, горы изглаживались, а селения проваливались под землю вместе с людьми. Историограф описал нам это сильное землетрясение и, присовокупляя, сказал, что через десять лет после того (мая 14) произошло необыкновенное затмение солнца, разноцветные облака на небе и проч., и что люди ждали конца своего, стенали и прощались друг с другом.

В 1238 году, по убиении Батыем Великого князя Георгия (Юрия) и сыновей его, брат Георгия, Ярослав Всеволодович, князь Новгородский, принял в свое княжение Владимир на Клязьме, а Ростов отдал Борису Константиновичу. Сей князь Борис и его супруга погребены в Ростове. Ростовцы, гордясь своею древностью, никак не хотели отдавать первенство Владимиру на Клязьме, именовали его пригородом, а его жителей — своими каменщиками, слугами и проч. Смешное местничество! Последним независимым от других властелином Ростовским был Иоанн Данилович Калита, и он же присоединил Ростов к княжеству Московскому. <...>

Ростовская ярмарка называется сбором, начинается она с первой недели Поста и продолжается до половины третьей. Купцы съезжаются сюда из Астрахани, Москвы, Риги, Санкт-Петербурга и даже из татарских владений. Торгуют здесь с выгодою, в руках торговцев вращаются миллионы; были ярмарки, на которых стечение народа простиралось до пятнадцати и более тысяч. Начало сей ростовской торговли полагают от времен Грозного. <...>

Публикация и примечания Игоря Николаевича Кузнецова

Фотографии взяты из книги:

Клычникова М. А., Мелентьев Г. Ф. Мытищи и окрестности. Мытищинская волость на рубеже XIX—XX веков (Мытищи, 2007)

¹Имеются в виду иностранцы, оставившие сочинения о России: немецкий дипломат Зигмунд фон Герберштейн (1486—1566), немецкий путешественник Адам Олеарий (1603—1671), француз на русской службе Жак Маржерет (ок. 1550 или 1560 — после 1618).

²«Сады» — наиболее популярное произведение французского поэта Жака Делюля (1738—1813). Воейков Александр Федорович (1779—1839) — русский поэт, переводчик.

³Речь идет о существовавшем некогда в Тайнинском усадебном садово-парковом комплексе.

⁴На месте современных Мытищ располагались тогда село Большие Мытищи и деревня Малые Мытищи.

⁵Бауэр (Баур) Федор Вилимович (1731–1783) — инженер, строитель Мытищинского водопровода.

⁶Здесь упоминается известный в то время Болшевский приют для неимущих.

⁷Перечисляются исторические достопримечательности этого старинного села.

⁸Саввино-Сторожевском.

⁹Шатров Николай Михайлович (1767–1841) — русский поэт.

¹⁰Здесь вблизи есть еще урочище, называемое Замятниным лесом. — Прим. М. Н. Макарова.

¹¹Столбовский мир был заключен между Россией и Швецией в 1617 г. в деревне Столбово близ Тихвина.

¹²Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835) — писатель, поэт.

¹³См.: *Хвостов Д. О* Переславле-Залесском. М., 1823.

¹⁴Древнее племя, исчезнувшее предположительно к XIII в.

¹⁵Василий II Васильевич Темный (1415–1462) — Великий князь Московский.

¹⁶Шемяка Дмитрий Юрьевич (ок. 1420–1453) — князь Галицкий, Великий князь Московский.

¹⁷Федор Никитич Романов (ок. 1554–1633) — с 1619 г. патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича.

¹⁸Лефорт Франц Яковлевич (1655–1699) — сподвижник Петра I, адмирал.

¹⁹Старинное название Плещеева озера.

²⁰Зориан (Доленга-Ходаковский) — псевдоним известного польского археолога и этнографа Адама Чарноцкого (1784–1825) — одного из основателей научного славяноведения, исследователя славянских древностей.

²¹Спасо-Яковлевский Димитриев.

²²Святитель Димитрий Ростовский (1651–1709) — митрополит, духовный писатель.

²³Святой благоверный князь Василий (Василько) Ростовский (1208–1238).

Православная выставка-ярмарка

69 павильон, ВВЦ, вход свободный

2 - 8 февраля 2010 г.

ЦЕРКОВНЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ

На выставке представлены:
колокола, иконы, православная литература, восковые свечи, мед, льняное масло, ювелирные изделия, продукты монастырей и фермерских хозяйств, протавары, изделия народных промыслов и многое другое...

Время работы:
с 11.00 до 19.00
8 февраля
с 11.00 до 16.00

Информационная поддержка:
Газеты "Русский Вестник", "ТВ-Столица"
радио "РадиоЕж", радио ВВЦ, радио Московского метро,
журнал "Московский журнал. История государства Российского"

Иван Иванович Магер

Вечно новое открытие Прекрасного

О московском художнике Павле Николаевиче Осинине

П. Н. Осинин родился в Москве в 1979 году. Учился в Народном коллективе изостудии «Радуга» (1986–1996). В 2001 году окончил факультет изобразительного искусства и народных художественных ремесел Московского педагогического университета по специальности «Станковая живопись»,

получив диплом с отличием. Занимается станковой и монументальной живописью, настенной и плафонной росписью. Член Международного художественного фонда (2001), Общероссийского общественного движения в поддержку флота (2002). С 2001 по 2003 год преподавал рисунок и живопись в МПУ. Неоднократно удостоивался почетных грамот, медалей, дипломов всероссийских и международных выставок, провел ряд персональных выставок в Москве.

«Он замечательный художник, необыкновенно тонко чувствующий природу, особенно водную стихию. Несмотря на свою

молодость, Павел уже сложившийся зрелый мастер. Он продолжает традиции русской реалистической школы живописи, его творчество вызывает очень большой интерес в России и за рубежом. <...> Он никогда не тиражирует свои картины, каждый его

пейзаж — это новое открытие Прекрасного, одухотворенного мира живой природы. Эта особенность творческого метода Павла не ускользает от внимания. <...> Павел Осинин прекрасно владеет различными техниками монументальной живописи, которая, наряду с декоративными лепными элементами, способна задавать неоклассическую направленность любому современному интерьеру» (журнал «Технологии строительства». 2005. № 4).

С работами Павла Осинина читатели могут познакомиться в этом номере «Московского журнала».

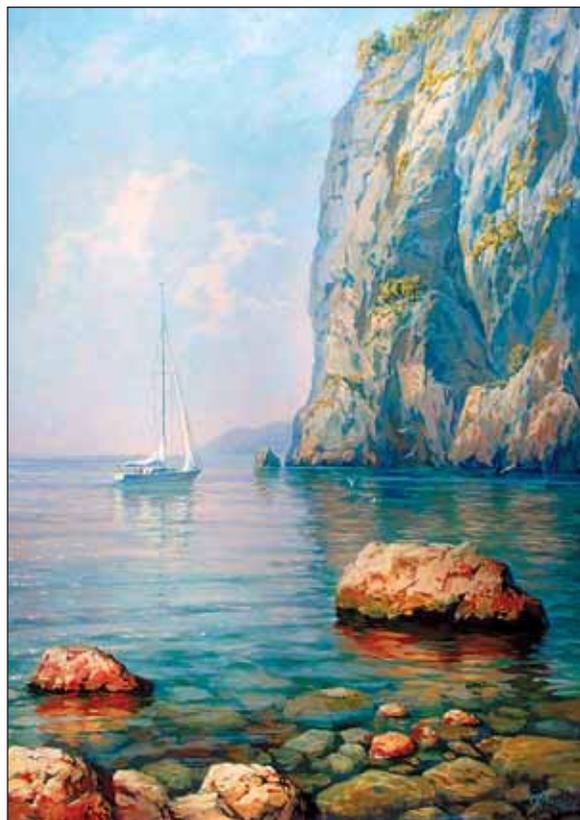
КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Соленый ветер.
Холст, масло. 2004—2008 годы

Лодка. Крымский берег.
Холст, масло. 2008 год

Балаклавская бухта (Крым).
Холст, масло. 2008 год

Закат на Рыбинском море. Холст, масло. 2003 год

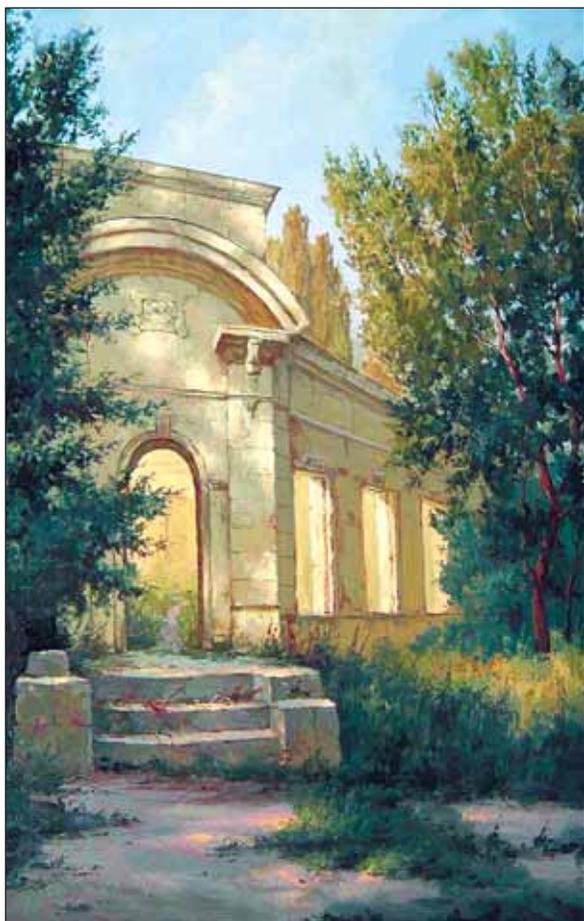
КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Вид на реку Ока близ Коломны, село Маливо.
Холст, масло. 2003 год*

*Осень в Подмоскowie (деревня Хохлево близ Егорьевска).
Холст, масло. 2008 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Старая усадьба (Севастополь).
Холст, масло. 2002 год*

*Осенний пейзаж в окрестностях Звенигорода.
Холст, масло. 2009 год*

*Лысая гора (Карелия, река Вуокса).
Холст, масло. 2006 год*

*Сосновый бор (окрестности Егорьевска).
Холст, масло. 2003—2007 годы*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Никитский монастырь (Переславль-Залесский).
Холст, масло. 2003 год*

*Пейзажная роспись стен в частном доме.
Акрил. 2008 год*

ISSN 0868-7110

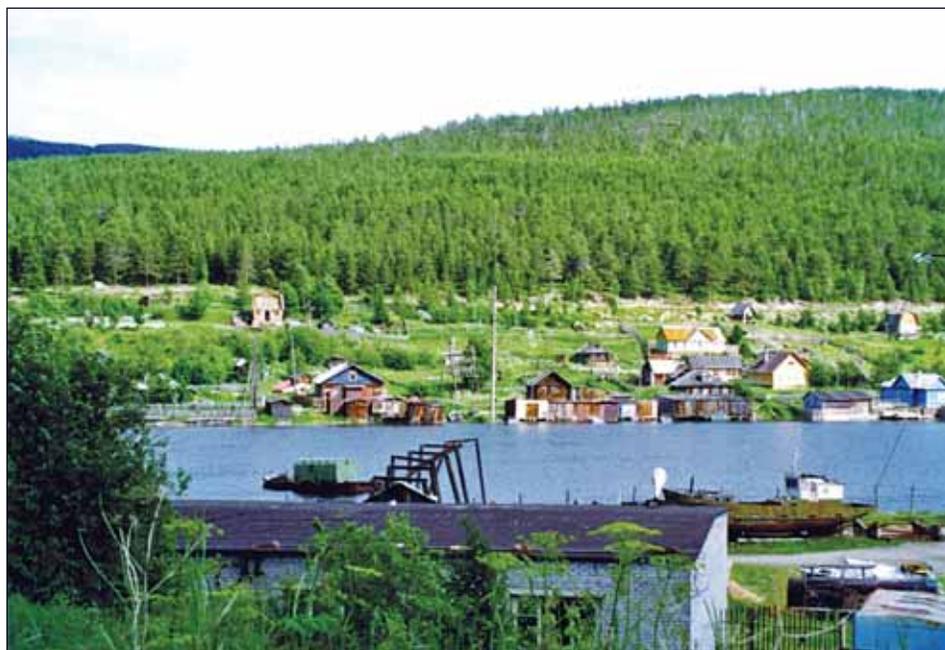

9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Об усадьбе
«Кирицы»
на Рязанщине —
одном
из первых
воплощенных
проектов
архитектора
Ф. О. Шехтеля
(1859–1926)**

**О старинном поморском селе Кандалакша
(с 1938 года — город)**